

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 Dubná 1933.

Volné Kozáctvo

Ročník VI.

25-го апреля 1933 г.

127

25-го квітня 1933 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий

Ю. Титон

СОДЕРЖАНИЕ

1. Die Kosacken und die Kosackenfrage! —
2. С. Савицкий: До козака на эмиграции. (Verše).
3. † Б. Кундрюцков: В заточении. (Verše).
4. † Б. Кундрюцков: * * * (Verše).
5. Е. Козлов: Боль казачьей души. (Verše).
6. Ив. Томаревский: Певцу свободной Казакии. (Verše).
7. В. Елисеев (В. Петров): Милые рубцы. (Milé vspominky).
8. † Б. Кундрюцков: Поэту. (Verše).
9. Петр Крюков: Пришло время!.. (Verše).
10. А. Бабков: Не падайте духом! (Verše). —
11. Трагедия Казачества. (Tragedie kozáctva).
12. Чужинец: Казакофильство эпохи хождения в народ. (Kozákofilství roku 1870—75).
13. М. Бытыньский: Певцы рождающегося утра. (Probuzenci).
14. Книгочий: Ф. Д. Крюков и его творчество в годы войны и революции. (F. D. Krjukov a jeho literární práce během války a revoluce).
15. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
16. Казачьи журналы на выставке славянской прессы в Праге. (Kozácké časopisy na vystavě slovanské presy v Praze).
17. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
18. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

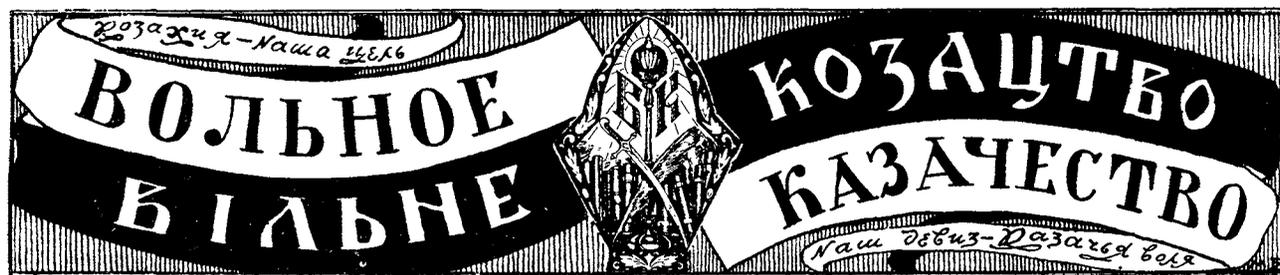
<p>Франция. — Д. — Получено. Привет.
 Швеция. — А. С. — Получено. Привет.
 Франция. — И. Б. — Получено. Привет.
 Белград. — Н. Б. — Будет помещено в след. номере. Привет.
 Польша. — Д. У. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
 Швеция. — А. Т. — Получено и переслано по назначению. Привет.
 Лион. — Т. Х. — Книга ст. П. С. послана своевре-</p> | <p>менно. Все полученное от Вас передано по назначению. Привет.
 Бразилия. — С. С. — Одержали. Вітаємо.
 Суботица. — М. Ч. и И. Б. — Поместим в следующем номере. Привет.
 Нью-Йорк. — В. Т. — Получено. Привет.
 Многим: К сожалению, из-за недостатка места поздравления редакции с праздником Св. Христова Воскресения не могут быть помещены в журнале. Всем посылаем самое искреннее ответное
 Воистину Воскресе!</p> |
|---|--|

Гонорар не платится.

**Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
 Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.**

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

<p style="text-align: center;">В Ч. С. Р.:</p> <p>В БРНО: Виктор Карпушкин.
 В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.</p> <p style="text-align: center;">В ЮГОСЛАВИИ:</p> <p>Н. М. Дмитренко — Београд.
 А. Чекин. Крагуевац.
 Г. В. Алферов — Мраморак.
 Д. Захаров. — Смедерево.
 С. Вобришев. — Кочане.</p> <p style="text-align: center;">В РУМЫНИИ:</p> <p>В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
 С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
 А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.</p> <p style="text-align: center;">В ПОЛЬШЕ:</p> <p>Б. В. Фесенко. Варшава.
 С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.</p> <p style="text-align: center;">В БОЛГАРИИ:</p> <p>П. Н. Кудинов. Александрово.
 Н. Егоров. Лом.</p> | <p style="text-align: center;">ВО ФРАНЦИИ:</p> <p>Ш. Н. Балинов. Париж.
 А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
 Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
 Г. В. Балабин. M-eur Balabine. UGINE.
 С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
 Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.</p> <p style="text-align: center;">В СЕВ. АМЕРИКЕ:</p> <p>А. Д. Аникушин. M-г Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).</p> <p style="text-align: center;">В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:</p> <p>С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.</p> <p style="text-align: center;">НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:</p> <p>И. Константинов. Харбин.</p> <p style="text-align: center;">В ГЕРМАНИИ:</p> <p>Г. А. Козловский. Berlin.</p> |
|---|---|

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 127

Вторник, 25 апреля, 1933 = Вівторок, 25 квітня, 1933.

№ 127

Die Kosacken und die Kosackenfrage!

Die Kosacken standen an fünfter Stelle in der Reihe derjenigen Slavenvölker, die sich unter der Herrschaft des ehemaligen russischen Zarenreichs befanden (Grossrussen, Polen, Weissrussen, Ukrainer, und Kosacken).

Nachdem sie vor ungefähr 200 Jahren ihre Unabhängigkeit verloren haben, sind die Kosacken durch das Erwachen ihres nationalen Bewusstseins wiederum in den Vordergrund getreten. Mit unbegrenzter Hingebung und eiserner Konsequenz nehmen sie den Kampf um ihre Unabhängigkeit, Selbstständigkeit, um ihre Rechte und Freiheit auf. Sie werden auch nicht daher ruhen, bis sie das beabsichtigte Ziel erreicht haben.

Das Kosackenvolk, das einerseits die unerträgliche Besatzung der roten Armee, andererseits die Unbilden einer Emigration geduldig über sich ergehen lässt, bettelt nicht um die Hilfe anderer Völker und will nicht die Hände tatenlos in den Schoss legen, bis ihm andere Völker eine bessere Zukunft erkämpfen. Im Gegenteil, er nimmt von selbst den Kampf für sein Schicksal und seine Zukunft auf. Und wenn es in seinem Freiheitsringen Verbündete trifft, so sind es vor allem diejenigen Nationen, die zusammen mit ihm das Joch der roten Knechtschaft abschüteln wollen.

Nichtsdestoweniger haben wir Kosacken das Recht, auf die Hilfe anderer Völker zu rechnen. Und dieses Recht gibt uns das Bewusstsein, dass es sich hier nicht einzig und allein um unsere Angelegenheiten handelt; denn es kann anderen Völkern nicht gleichgültig sein, wie der Freiheitskampf der durch Z. S. S. R. bedrückten endigen wird. Abgesehen davon sind wir fest überzeugt, dass das Bestehen eines bolschewistischen Angriffsdranges nach dem Osten mit dem Bestreben, die Welt nach neuen in Moskau fa-

brierten Mustern glücklich zu machen, für die Zukunft vielen Staaten nichts Gutes verspricht, besonders denjenigen Ländern, die in Erkenntnis des drohenden Unheils schon heute bestrebt sind, sich durch eine chinesische Mauer von ihm abzugrenzen.

Und an was für Hilfe denken wir? Vor allem handelt es sich um moralische Unterstützung. Die Welt weiss sehr wenig von den Kosacken, und das was sie weiss, entspricht vielfach nicht der vollen Wahrheit, da sie ihre Kenntnisse meistens aus Quellen schöpft, deren Ursprung dort zu suchen ist, wo man das wenigste Interesse daran hat, unsere Lage den Tatsachen entsprechend darzustellen.

Deshalb wollen wir heute nur von uns selbst reden; an Euch aber wenden wir uns mit der inständigsten Bitte, vor einer endgültigen Beurteilung unserer Bestrebungen zuerst eure veralterten und vielfach falschen Ansichten über uns einer gründlichen Revision zu unterziehen und euch unmittelbar mit dem geschichtlichen, ethnographischen und wirtschaftlichen Material vertraut zu machen, das uns gegenwärtig zur Verfügung steht.

Um niemand mit der ziemlich langwierigen Geschichte unseres nationalen Elends zu langweilen, wollen wir über unsere ruhmreiche Vergangenheit schweigsam hinweggehen und nur kurz darauf hinweisen, dass sie zahlreiche Kämpfe aufzuweisen hat, die der Freiheit und Sicherheit unseres Volkes galten. Dagegen wollen wir unsere jetzige Lage ausführlicher darstellen und besonders auf unsere Bestrebungen für die Zukunft hindeuten. Wir wollen, dass ihr uns alle hören sollt. Doch ihr sollt uns nicht nur hören, nein — ihr sollt uns auch richtig verstehen und beurteilen lernen. Die Kosacken stammen von denjenigen slavischen Volksstämm-

men ab, die zur Zeit der Entstehung des sogenannten „Kijewer Rutenenlandes“ und des späteren Moskowiterreichs die weitausgedehnten Steppen zwischen der Wolga und dem Don bewohnten, Gebiete, die sich an Asowsche — und Schwarze Meer anlehnten. Die Stämme setzten sich an dem während der Völkerwanderung zahlreich benutzten Hauptverkehrsstrasse vom Osten nach dem Westen fest und haben deshalb einen grossen Prozentsatz fremden Bluts vor allem türkischer Herkunft in sich aufgenommen.

Durch andauernde Überfälle asiatischer Völker wurde die Bildung eines gefestigten kosackischen Staatwesens bedeutend gehemmt. Trotzdem entstanden im XIV. und XV. Jahrhundert zwei Kosackenrepubliken: am Don und am Dniepr, die später durch das XV., XVI. und XVII. Jahrhundert ihre volle Unabhängigkeit bewahrt haben. Erst gegen Ende des XVII. Jahrhunderts erweiterte der Moskauer Staat seine Grenzen bis unmittelbar an die von den Kosacken bewohnten Gebiete; von dieser Zeit ab begann nun auch ein stetiger Drang der russischen Herrschaft nach diesen Ländern. Den entscheidenden Dolchstoss gab den Kosacken Zar Peter I. im Jahre 1708, indem er durch Raub und Plünderung die Donrepublik vernichtete und verwüstete, was auf lange Zeit hin den Verlust der Unabhängigkeit durch die Kosacken nach sich zog. Im Jahre 1775 besiegte und verwüstete Katharina II. vollständig die Republik der Saparoser Kosacken; nur wenige der Überlebenden siedelten späterhin nach Kuban über.

Obwohl die Kosacken Ihre Unabhängigkeit verloren hatten und dem russischen Reich einverleibt wurden, haben sie bis heute Spuren ihrer ehemaligen Rechte und Eigenart ihrer Sitten bewahrt. Die 200 jährige Fremdherrschaft und alle Bestrebungen der zaristischen Regierungen habe trotz planmässiger Unterdrückung nicht vermocht die weit mit zurückliegende und doch die Tradition frisch erhaltene Erinnerung an die Vergangenheit vollständig auszurotten. Gerade deshalb vermochten sich sie Kosacken nach Ausbruch der Revolution mit einer scheinbar erstaunlichen Leichtigkeit von Russland loszureissen und aus Garnichts eine eigene Staatsorganisation zu gründen, die sich auf Mustern stützte, die den zaristischen vollständig unähnlich waren. In den Jahren 1917 bis 1918 entstanden folgende Republiken die de facto unabhängig waren, nämlich die Don-, Kuban- und Terekische Republik. Man konnte auch im Uralgebiet bei den Kosacken von Ohrenburg und Astrachan ähnliche Strömungen beobachten, die dann zu den am weitesten entlegenen sybirischen Truppen übertragen wurden.

Bald hat es sich jedoch herausgestellt, dass die Politik der revolutionären russi-

schen Regierung gegenüber den Kosacken ebenso rücksichtslos und raubgierig ist, wie die der ehemaligen Zarenherrschaft. Die Bolschewisten begannen den Krieg mit den jungen Kosackenrepubliken, die sich leider, was ihren Schutz und Verteidigung anbelangt, in einer recht schwierigen Lage befanden. Letztere wurde einerseits durch einen ungebetenen Eingriff der Generale Denikin und Wrangel, Führer der Weissrussischen Armeen hervorgerufen, andererseits durch den Druck der Grossmächte, die die Bedeutung des Aufstandes der Kosacken zur Erlangung Ihrer Unabhängigkeit nicht verstanden bzw. unterschätzten und bestrebt waren, die Wehrmacht der Kosacken den Interessen der russischen Kontrarevolution unterzuordnen. In dieser verhängnisvollen Lage waren die Kosacken zu einen ungleichen Kampf mit dem russischen Volke gezwungen, das in seiner Hauptmasse den Bolschewismus unterstützte. Unter solchen Umständen war eine Niederlage unvermeidlich, doch sie erfolgte nach einem hartnäckigem Kampfe.

Diese Niederlage hat noch einmal die Kosacken überzeugt, dass einzig und allein durch Erkämpfung der Unabhängigkeit sie ihrem Vaterlande Glück und Sicherheit vergewissern können.

Heute schmachtet das Vaterland unter dem Joch der Bolschewisten. Es ist ja allgemein bekannt, wie unbarmherzig und grausam die rote Herrschaft ist, die von Moskau ausgeht. Nichtsdestoweniger erwacht und wächst mit jedem Jahre das nationale Bewusstsein der Kosacken; keine Erpressungen, keine Schreckensherrschaft werden es unterdrücken können.

Für uns kosackische Emigranten ist es heilige Pflicht und Schuldigkeit, jetzt, wo unsere Länder durch die Sowjetgrenzen wie durch eine chinesische Mauer von der übrigen Welt abgeschlossen sind, unsere Stimme weithin erschallen zu lassen im Ruf zur Verteidigung unserer nationalen Rechte unseres unglücklichen Vaterlandes. Wir sind mit unserem Volke, mit seinem verborgenen Trachten und Streben, seinen Hoffnungen fest verbunden und wir, kosackische Emigration übernehmen die Pflicht, den im Jahre 1917 begonnenen Kampf weiterzuführen und unser Volk vor aller Welt zu vertreten.

Wir sind davon überzeugt, dass andere Völker, sobald sie sich der ihnen vom Osten her drohenden Gefahr bewusst werden, uns das gehörige Verständnis und die nötige Unterstützung entgegenbringen. Vor allen Dingen zielen wir darauf hin, dass die Welt etwas über uns aus unserem eigenen Munde erfährt. Sehr wenigen z. B. ist es bekannt, dass die berühmten Losungsworte der französischen Revolution: Freiheit, Gleichheit und Brüderlichkeit schon viel frü-

her durch die Kosacken in die Tat umgesetzt wurden; sie bildeten die Grundlage unserer staatlichen Organisation.

Trotz der Niederlage — hat man bis jetzt den Willen der Kosacken nicht brechen und die Stimme der Kosacken nicht ersticken können. Im Lande selbst wird sie zwar unterdrückt, umsomehr verbreitet sie sich und findet Anklang bei der Emigration im Ruf und Verlangen auf Anerkennung ihrer unbestreitbaren Rechte zur Erlangung der Freiheit und Gerechtigkeit.

Die Kosackenemigration, die zur Organisation „das freie Kosackentum“ gehört und deren Zeitschrift das in Prag erscheinende Wochenblatt „Wolnoje Kozaczestwo - Wilne Kozactwo“ ist, hat es auf sich genommen, die ganze Welt von dem Streben und Trachten der Kosacken und ihren unbestreitbaren Rechten zur Unabhängigkeit Auskunft zu erteilen. Das Programm dieser Organisation lautet kurz und bündig:

Die Befreiung der Länder und Völker sämtlicher europäischer Heeresgruppen der Kosacken; des Don-, Kuban-, Terek-, Astrachan-, Ural-, Ohrenburg-Gebiets und der Kalmücken, die sich unter der Herrschaft der Z. S. S. R. befinden, — und die Bildung eines unabhängigen, souveränen Kosackenstaates KASAKIJA.

Dieses Programm ist nicht neu. In den Jahren 1917—1920 war die Frage der Bildung eines vereinigten Kosackenstaates von uns Kosacken bereits vier mal erörtert wor-

den, jedoch das Dazwischentreten fremder Mächte hat das Zustandekommen dieses Staates unmöglich gemacht.

Wie würde sich ein auf diese Art und Weise neu entstandener Staat darstellen? Das Gebiet von 6 europäischen kosackischen Heeresgruppen zusammen mit den Kalmücken beträgt ungefähr 870.000 km². und wird von einer elf Millionen starken Bevölkerung bewohnt.

Leider müssen wir uns in diesem Artikel sehr einschränken und deshalb können wir dem Leser nicht sämtliche Einzelheiten aus der Geschichte, Geographie und Ökonomie unseres Vaterlandes an die Hand legen; dagegen wollen wir die Wissbegierigen auf specielle Studien und Veröffentlichungen hinweisen. Wir können nur hervorheben, dass neben den Rechten, die für uns aus der Geschichte hervorgehen, sich in den Händen kosackischer Separatisten ebenfalls auch Momente geographischer und geschichtlicher Natur befinden, die reichlich Beweismomente für die Verwirklichung ihres Programms bieten können.

So sehen allgemein betrachtet die heutigen Bestrebungen der freien Kosacken aus. Indem wir mit denselben vor die ganze Kulturwelt hervortreten, wollen wir nochmals die Hoffnung ausdrücken, dass das Programm der Kosacken diesmal die gehörige Sympathie und das nötige Verständnis unter den Brüdern und Freunden der Civilisation, des Rechts und des Fortschritts finden wird.

С. Савицький. (Бразилія).

ДО КОЗАКА НА ЕМІГРАЦІЇ.

Не дайсь розкозачитись, зникнуть зі світа,
Немов ти на світі ніколи й не був.
Замерзла душа твоя? — Буде загаріта:
Ще будеш ти вільним таким, як ти був.

Не дайсь ошукатись та збитись з дороги.
Дивися: вже ранкова сяє зоря...
Чи любо чужі оббивати пороги
Та ласки за службу просить у царя?!

Будуй собі дім по своїй уподобі
Й не клич до будови своїх ворогів,
Бо будеш у нім ти, як лицарь у гробі:
За поміч багато начислять боргів.

Дивись: на степу що зробили злодії!
Це ті, що кричали й кричать ще про рай...
А звідки ж вони? — Та із тої ж Росії,
Віками що нищила рідний твій край.

І „білі“ й „червоні“ тебе запрягають...
А ти ж народився на світ не волом!
Де доказ? — Дивися: станиці палають
За те, що не хочеш ти бути рабом.

.....

О, ні, не з рабом вони мають до діла!
Ніколи козацтво не стерпить ярма.
Козача натура є лицарська, сміла,
Якої й на світі нігде ще нема.

О, ні, не з рабом вони мають до діла!
Козак ще ніколи не був кріпаком, —
В неволі душа його лицарська мліла,
А всеж-таки був він і є козаком.

Горять його хати і степ червоніє
Від крові тепер, як колись в давнину.
Та гордий орел все про воленьку мріє,
Як вирватись с клітки, втікти з полону...

.....
Ой кличуть тебе ще Москву рятувати,
Москву, що дощенту руйнує твій край!..
Ти мусиш за себе, за дім свій подбати, —
Москву хай рятує, як треба, москаль.

Гартуй свого духа... Захмарилось дуже...
Вже порохом пахне... Ой, буде війна!
За вільність козаку борися, мій друже,
Тоді і для тебе та прийде весна...

Борис Кундрючков. (†).

В ЗАТОЧЕНИИ.

(Сцена).

* * *

К а з а к:

Скажите, скажите скорее,
Когда же Свобода мне будет,
Уж сердце больное робеет
И ночью сомнение будит...
Как много, как долго томиться?..
Что делать?... Что делать?..

Г о л о с:

— Молиться...

К а з а к:

Молиться... О чем?.. О прощении?..
О вечном блаженстве, о счастье?..
А Край... разорен, в унижении
В плену у насильственной власти...
Ах, нет... Не могу я молиться...
За честь, и за Волю, за степи
Готов до конца я рубиться...
Разбить бы железные цепи...
(бьет в иступлении кандалами о пол).
Звените, проклятые звенья,
В крови вы казачьей ржавели...
Я выдерну руки для мщенья,
Достигну исконной я цели...
И встал... И надулися жилы...
Могучие плечи из стали
Расправились, полные силы,
И, звякнув, оковы упали...

Все те же огни нам светили...
Но мы... мы, ведь, стали не те.
Теперь мы измену открыли
В ужасной ее наготе...
Рядились вы в пестрые шкуры,
Народу клялись своему,
Но волчью, собачью натуру
Явили вы скоро ему...
Запачкавши жадные руки
В казачьей невинной крови,
Вы снова взываете: — Други...
Кричите о вашей любви...
Кричите, что были ошибки...
Но мы... мы, ведь, стали не те.
На нашей недремлющей шипке
Вся кровь вопиет к правоте...
Та кровь жжет сердца, пламенея,
На зов мы ее собрались,
И Правду и Волю лелея,
Служить только им поклялись...
Однажды змею отогрели
На нашей широкой груди...
Назад... Казаки ведь прозрели
На скорбном кровавом пути...
Мы те же огни зажигаем...
Но мы... мы, ведь, стали не те.
За что умирать, теперь знаем,
На плахе, в бою, на кресте...

Григорий Ковлов. (Београд).

БОЛЬ КАЗАЧЬЕЙ ДУШИ.

Болит душа моя скитальца,
Болит за Волю прежних дней,
За всех болит душа страдальца,
Кто там во власти палачей.
За Край родной поработенный,
Что десять лет в чужом плену...
Народной мукой вдохновленный,
Свою я песню вам сложу...
О, дивный Край, где я родился,
Где к вольной жизни приобщен,
За честь Казачества где бился...
Ты, Край, врагом поработен!

Болит душа, но как не верить
Надежды светлому лучу?
Она нам силу снова вселит,
Зажжет казачью зорю.
Взойдет она на небосклоне,
Ослепший враг падет там ниц,
И встречу я в родимом доме
Там много трепетных зарниц.
И вспомню грозные победы,
Какими гнет наш был разбит...
Тогда душа забудет беды —
Свобода сердце исцелит.

Ив. Томаревский. (Болгария).

ПЕВЦУ СВОБОДНОЙ КАЗАКИИ.

Посвящается П. С. Полякову.

Тебе, певец казачьей воли,
Поэту, брату по перу,
И так же сущему в неволе,
Я дань почтения несу.

Ты искру Божию имеешь,
Поешь, как истинный Баян,
Ты песней братьям бодрость сеешь,
Твой стих — бальзам душевных ран.

Хвала тебе, певец Свободы!
Будь здоров, живи и нас зови
Жить с Правдой — волею народной
В своей возлюбленной степи.

Поешь ты, будишь честь былую
И к Воле дедовской зовешь,
Рисуешь жизнь ты нам иную
И веру в лучшее даешь.
За мать Свободы — Казакию
Зовешь ты братьев постоять,
Чтоб вольным быть, как в дни
Своей управой жить опять. [былые —

В. Елисеев (В. Петров).

Милые рубцы.

— Бом-бом-бом...

— Бом-бом-бом-бом, — несется по беспокойно спавшему хутору приятный баритон большого колокола.

Его частые, бархатные волны (такой звон иногда полосанет мне сердце и здесь), рея в чистой, звонкой темноте, полной нежного, весеннего благоухания, низко стелются по над мягкими, свежевспаханными займами и зазеленевшем уже „прогоном хугора, где слышно жалобно плачут маленькие ягнята и блеют овцы, — это чебан с своей длинной кирлигой, побрякивая кубышками, подбирается с отарой к хутору — к „разгавливанью“. Не привлекает сегодня его полевой простор. Душа одинокого чебана хочет мира, чтобы вместе с хутором вкусить „святой паски“...

Тихо. Очень тихо. И бархатные волны большого Кузнецовского колокола, звуча в мертво-торжественной выси, плывут далеко, далеко, до самой „чеканихи“ и даже дальше. Так тихо, что старые развесистые груши в саду стоят, как окаменелые, но надтреснувшие еще с вечера их зеленые почки, после вечернего тепло дождичка, как кто рукой поразвернул — побелели и в саду так пахнет, что бегущие в церковь ребята никак не могут удержаться, чтоб не стать на доски и не рвануть одну-две пахучих ветки...

Вижу, как вошла мать и, склонившись на колени перед святым углом, положила три тяжелых, земных поклона. Потом зажгла лампадку и от того, что лампадка зашаталась, задвигались по святому углу лики икон. Мать придержала качавшуюся лампадку и еще раз набожно перекрестилась. Думаю о молигве магери. Сильная эта молитва...

Прошел отец в зал, сверкнув красными лампасами и „нажгоными“ сапогами — „убирается“ в церковь.

Взглянув на бережно разложенные по лавке новые брюки, новую тужурку и козырем стоящую фуражку, хочется и мне „убираться“. А тут и мать, как раз подвернулась. — Вставай, сыночек, — нежно говорит она. — Звонят.

Конечно, звонят. Слышу давно. И звонят не так, как звонили по „душе“ семь недель угрюмого поста. Сегодня энергичный звон, торжественный звон, радостный звон, когорый тебя так и поднимает, и от которого разливается сладкая исгома по сердцу...

— Мамаша. А какой праздник больше — Святая или Рождество?

Святая, сыночек, — отвечает она с материнской авторитетностью. А потом, для большего подтверждения, добавляет: Святая — большой праздник. Святая — „праздник из праздников и торжество из торжеств“.

Ну, если „торжество из торжеств“, тогда, конечно, хоть кого, так убедит. А тут еще отец вчера говорил, что ноне, хотя и не табельный день, а в Новочеркаске будут стрелять из орудий (вот бы послушать!) и будет парад войскам перед „Ермаком“. Повеселел он вчера и так ласково разговорился, что аж в шутку хлопнул меня по плечу и щегольнул передо мной стихом о Ермаке.

— По дедушке Ермаку

Заслужили мы Дон-реку...

А караульный все звонит. Попробовал было считать, неугонишься — слишком часто. Знает он, надавливая на доску давно уже занемевшей ногой, что сегодня надо постараться, надо звонить так, чтобы почувствовал хутор великое торжество сегодняшней ночи. Звонит он и радуется, что прошел скучный, погребальный, постовой плач, а не звон.

— Бом-бом-бом-бом. . . Непрерывная бархатная медь большого колокола густо повисла над хутором...

Доселе тихий, полусонно-копотившийся в своих курнях и хатах, хутор сразу проснулся и загомонел. А у Жировых, напротив слышно захныкал грудной ребенок — должно быть, все кинулись в курень „убираться“, а про дитя, в землянке, позабыли. Затопали по улице люди и белеют в ночной темноте белые узелки — „паски“. Как маяк, ярко горит церковь, и этот необыкновенно-яркий ее свет заливает собой не только всю громадную церковную площадь, но даже пробирается и в радостные сердца темных фиур с белыми узелочками...

На левом крылосе (на скучном клиросе) Ивану Васильевичу, завсегдашнему ярому подпевале и читаете сегодня делать нечего — протянет своим голосистым „казитоном“ два-три слова и опять успокоится. Сегодня попадает петь больше правому клиросу — певчим.

То скорое (и энергично-громкое), то редкое, растяжимое „Христос Воскресе!“ (особенно там, где казаки несколько раз громко выкрикивают: и сущим, и сущим...“), а им звонко вторят своими тоненькими голосками девчата: „во гробех, во гробех...“) прямо-таки поднимают народ до потолка. Даже приезжие уставшие балабинцы, страховцы и кирсановцы, всю ночь пробывшие в церкви, от неожиданного громкого выкрика певчих, сразу открывают зажмуренные глаза и бросаются дружно креститься...

И дроги и попоны попов давно уже полны до самых краев, а в них все валят и валят. И яйцами, и пасками, и салом, а попы проходят да покрапывают святой водой.

Кто паски светит, а ребята, усевшись на церковной ограде, жадно уплетают „гладыши“. И у их ног уже целый ворох „гладушных“ шкорок.

Андрей Одинцов (хуторской дурачек) не пошел за попами собирать яички и куски „пасок“, а, забравшись на колокольню, не трезвонит, окаянный, а такие штуки заполаскивает с „перебором“, что хоть пляши...

Как угорелый летишь домой „разгавливаться“, гадая с боязнью — будет ли дождь или нет. Хотя бы не было, а то не сможешь показать обновок...

Забелело небо. За базами, на „пустоше“ вырисовывается силуэт высоких, из длинных подтоварников „релей“. Видны обручи на матке... Начинается Святая. Счастливая, невозвратимая Святая...

Борис Кундрючков. (†)

П О Э Т У.

В изгнании Казачества, поэт —
Влачишь и ты в тоске унылой годы,
И, то перо возьмешь, то темный пистолет —
О смерти думаешь и сеешь снова всходы...

О смерти думаешь и вновь творишь живую
Целительную красоту стиха, —
То плачешь в нем, то песню удалую
Заводишь громкую о Воле казака,

И то звенит в нем смех, то гик царит жестокий,
То стон заглушенный, кощунственный вопрос...
В тоске по Родине, в тоске немой, глубокой
Пролито нами море горьких слез...

И ношу разделив народных бедствий тяжких,
В терзаннях сам — поешь, казак-поэт
С разбитым сердцем... То, под гнетом мыслей
Перо берешь, то темный пистолет... [вязких,

Петр Крюков. (Франция).

ПРИШЛО ВРЕМЯ!..

(Памяти братьев-казаков, погибших под ст. Тихорецкой в ноябре 1932 г.).

Гей, Казачество Вольное! Братья —
 Казаки преслуотых всех Войск!
 Поприслушайтесь! — Стоны.. проклятья..
 От родных из родимых нам Войск!
 Там под лаптем московским тирана,
 Под ногой русака-палача
 Стонут наши... И ждут лишь тарана,
 Чтоб пробил брешь в стене для меча.
 Там от русских Казачество гибнет;
 Здесь казачьи „вожди“ нас зовут
 „За Россию“!.. Да пусть она сгинет!
 Гей! Не нужно российских нам пут!
 Уж довольно нам кланяться хамам!
 Уж довольно им кровь нашу пить!
 Уж довольно служили мы „дамам“!
 Пришло время: за все отомстить!
 Отомстить за казненных Москвою
 Казаков — их же всех и не счесть!
 Отомстить русакам, да с лихвою!
 И вернуть нашей Родине честь!
 За „подарки“ царей, да за „ласку“,
 „Привилегии“ — быть в дураках,
 За Петровско-Сталинскую „таску“
 Мечь таится в казачьих сердцах!
 Пришло время: расчет уж подходит!
 Берегись, богоносная Русь! —
 Степан Разин из гроба выходит:
 — „Сам судьей на Москву ворочусь!..“
 Мечь! — за кровь нашу древле пролитую
 И ту кровь, что там льется теперь,
 За Казакию, кровью залитую, —
 Отомстим мы! Казачество, верь!..
 Вам, адепты Великого Хама,
 Не царить над Казачьей Землей!
 Пришло время! — Из нашего Храма
 Убирайтесь-ка!.. К черту!.. Домой!..

15-И-1933 г.

А. Бабков. (Румыния).

НЕ ПАДАЙТЕ ДУХОМ!

Прошло много лет, как расстались, родные,
 Мы с вами на вольных широких степях.
 Куда то на запад, за грани чужие,
 Ушли мы полками, оставив вам страх.
 Пришлось испытать нам немалое горе,
 Пока не добрались до чуждой земли.
 Осталось за нами бурливое море..
 Теперь мы повсюду живем, казаки.
 Нам тяжело, но все ж мы свободны и вольны,
 Не знаем ни рабства, ни гнета тиранов,
 Лишь только за вас мы душой беспокойны:
 Чем дальше, тем больше там смерти и ран.
 Жестокий наш враг вековечный, Москва,
 Стереть хочет грани Земли казаков..
 И хуже, чем было во время Петра,
 Вас душат и колят вас сталью штыков.
 Но вы не склоняетесь пред палачами,
 Не миритесь вы с нашим кровным врагом:
 Вас пули московские косят рядами,
 Но вы не даете отцовский свой дом.
 Вы там восстаете за право былое,
 За старый закон наш седой старины..
 Хотите вы пришлое, все нам чужое,
 Изгнать из пределов родимой страны.
 Но.. счастье сегодня всем нам изменяет:
 И гибнете вы от московской руки,
 Станицами целыми вас выселяют.
 В Сибирь и далекие те Соловки..
 Но, слышим мы братьев! Они там в Сибири
 Свой крест непосильный несут,
 Их многих тяжелым трудом заморили
 И смерти они, как спасения, ждут.
 Последние дни уж там враг торжествует:
 И первый удар нанесли казаки.
 Придет час, народ наш свободным вновь будет
 И правда московские склонит штыки.
 Уж близится время, приходит тот час,
 Когда день наступит казачьей свободы..
 Никто, никогда не забудет из нас
 Погибших за волю в последние годы!

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

Май—декабрь 1918 г.

Немедленно по прибытии на Дон Кубанское Правительство послало к Донскому командованию члена Правительства А. А. Намитока и члена Рады П. Макаренко для установления связи и получения необходимых информации. После возвращения их из командировки, Кубанское Правительство и Законодательная Рада устроили несколько совещаний для выяснения общей обстановки и для установления плана дальнейшей деятельности в целях скорейшего освобождения Кубани от большевицкой власти, возрождения и укрепления кубанской государственности.

К этому времени вся территория Украины и часть

территории Дона были заняты немецкими и австрийскими войсками. На Дону немцы занимали Таганрог, Ростов и Батайск.

Восставшие Донские казаки освободили от большевиков часть своей территории с г. Новочеркасском — столицей Дона. Все же большая часть Дона, весь Северный Кавказ (Кубань, Ставропольская и Черноморская губ. и Терек), Поволжье, Туркестан, Сибирь и вся Великороссия находились под властью большевиков.

Кубанская Законодательная Рада, обсудив в своем заседании 2 (15) мая 1918 года политическое и военное положение Кубанского Края, как его представило ей Куб. Правительство, вынесла следующее постановление:

„Кубанская Законодательная Рада находит:

1. что первейшей и основной задачей Кубанского Правительства должно по прежнему являться очищение Кубанского Края от большевицких банд и прочих анархических элементов и восстановление на ее территории твердого государственного порядка. Для достижения этой цели необходимо продолжение героической деятельности Добровольческой Армии, действующей в полном согласии с Кубанским Правительством. Принимая во внимание то обстоятельство, что восстановление и оздоровление государства Российского невозможно без предварительного установления порядка на юге, Рада выражает пожелание, чтобы Добровольческая Армия, совместно с кубанскими войсками, в первую очередь, приступила к освобождению от советской власти Кубанского Края.

2. По вопросу об отношении к Австро-Венгрии и Германии, в связи с занятием Ростова на Дону германскими войсками, Рада считает, что в настоящее время вооруженная борьба с центральными державами представляется нецелесообразной, но, вместе с тем, находит, что во имя свободы и независимости Кубанского Края необходимо принять меры для предотвращения возможного продвижения Германской Армии в пределы краевой территории без согласия на то Кубанского Правительства.

3. Для успешной борьбы с анархией и установления общих отношений с Украиной и Германией необходимо полное единение Кубанского Края с Доном и другими южными областями.

4. Для заключения союзных отношений с Доном, выяснения целей германского движения и определения отношений с Украиной — Рада, находит необходимым отправить в Новочеркасск, Ростов на Дону и Киев делегации, снабдив их соответствующими полномочиями“.

Из этого постановления Куб. Законодательной Рады ясно видно стремление Кубани к независимому государственному существованию. Несмотря на то, что тогда вся территория Кубани находилась под властью большевиков, владевших огромной территорией 4/5 бывшей Российской Империи, несмотря на то, что продвижение на Кубань войск могущественной тогда Германии сразу освободило бы родной Край от большевицкой власти, Куб. Зак. Рада не пригласила немецкие войска для освобождения Кубани; Рада думала не только об освобождении Кубани, но и о создании таких условий, которые бы навсегда обеспечили бы свободу и независимость Кубанского Края, она думала „о полном единении Кубани с Доном и другими южными областями“.

Добровольческая армия рассматривалась, естественно, только как союзная военная сила, которая должна действовать в полном согласии с Кубанским правительством.

Немедленно Кубанским правительством и Радой были посланы три делегации: 1) к Донскому Атаману и Правительству, 2) к немцам в Ростов и 3) к Гетману Украины в Киев. В состав последней делегации входили следующие лица: председатель Рады, Н. С. Рябовол, товарищ председателя Султан-Шахим-Гирей и члены Рады: К. А. Бескровный, Г. В. Омельченко, Д. Е. Скобцов и П. М. Каплин.

Делегации, посланной к немцам, германское командование ответило, что „оно признает суверенитет (государственную независимость) Кубанского Края и что никакой „оккупации“ Кубани делать не предполагает и хочет вступить в добрые отношения с ее населением“.

Кубанская делегация на Дону заключила с Всевеликим Войском Донским следующее соглашение:

„9 и 24 мая 1918 г. состоялось под председательством Войскового Атамана Всевеликого Войска Донского, генерал-майора Краснова, соединенное заседание Правительства Войска Донского и полномочной делегации Правительства и Законодательной Рады Кубанского Края.

Обсудив создавшееся положение в связи с

полным развалом Государства Российского и небывалой хозяйственной и экономической разрухой, вызванной хозяйничанием в стране анархо-большевицких элементов, а также принимая во внимание появление на территории Дона германско-австрийских войск и ставя своей задачей в ближайшее время восстановить на территориях Дона и Кубани твердый государственный порядок для обеспечения на будущее время политической и экономической свободы и независимости народов, неселяющих Донскую и Кубанскую Области, Правительство Всевеликого Войска Донского и полномочная делегация Правительства и Законодательной Рады Кубанского Края пришли к следующему соглашению:

1. Правительства Дона и Кубани признают полную внутреннюю автономность каждой из договаривающихся сторон;

2. Правительства Дона и Кубани признают существующую в настоящее время между этими землями границу, а при переговорах с соседними государственными образованиями обязуются оказывать взаимную поддержку в вопросах, касающихся включения в состав территорий договаривающихся сторон городов, земель, присоединение которых являлось бы безусловно необходимым по соображениям экономическим или военно-стратегическим;

3. Правительства Дона и Кубани признают, что в настоящее время основной задачей этих Правительств является борьба с большевизмом и анархией во всех ее проявлениях на территориях Кубани и Дона, а в дальнейшем в пределах всего Северного Кавказа, причем в этой борьбе Правительства Дона и Кубани обязуются оказывать друг другу самую действительную и возможно полную поддержку всеми силами и средствами;

4. Для скорейшего и планомерного осуществления изложенной в пункте 3 задачи, Правительства договаривающихся Войск учреждают совместные советы, которым предоставляется разработка плана борьбы с большевизмом и анархией на территории Дона, Кубани и смежных с ними областей и губерний, а также общее руководство военными операциями в смысле определения общих и даже частных заданий для отдельных армий, во внутренние распоряжки коих совет не вмешивается;

5. Дабы ныне разрозненные части России смогли являть собою более могучую политическую силу и в виду невыясненности политического положения в центральных и северных частях бывшего Государства Российского, Правительства Дона и Кубани считают, что ближайшей задачей необходимо признать также создание на юге России прочного государственного образования на федеративных началах, в состав коего должны войти Дон и Кубань, как полноправные члены федерации“.

Соглашение это подписали:

Атаман Всевеликого Войска Донского генерал-майор Краснов.

Атаман Кубанского Войска А. Филимонов.

Председатель Совета Управляющих отделами Правительства Всевеликого Войска Донского генерал-майор Богоевский.

Председатель Кубанского Краевого Правительства Быч.

Это соглашение, подписанное полномочными представителями обоих государств, ясно говорит о той высокой цели, которую преследовали оба правительства: восстановление на территориях Дона и Кубани твердого государственного порядка для обеспечения на будущее времена политической и экономической свободы и независимости народов, населяющих; Донскую и Кубанскую Области. Особое место занимает п. 5 соглашения, говорящий о необходимости создания прочного государственного образования на федеративных началах. Совершенно также естественным было установле-

ние общих органов для разработки планов борьбы с большевизмом и для руководства военными операциями. Этим договором ясно определялись общие задачи для Дона и Кубани и путь их достижения.

Но разве этого хотело командование Добровольческой армии? Разве укрепление самостоятельности Дона и Кубани и их тесное, основанное на договорах, союзное сотрудничество входило в ее цели? Разве, намеченная еще на Кубани решениями народных представителей и возобновленная Кубанской Законодательной Радой по приходе на Дон, политика могла удовлетворить русских и кубанских противников идеи истинного народоправства и стремления Казачества к самостоятельности? Конечно, нет! И они немедленно начали свой организованный поход против намеченного плана государственного строительства. Многие причины заставляли единомышленников торозиться.

Донские казаки почти поголовно восстали против большевизмской власти. Уже Круг Спасения Дона, 4-го мая 1918 г., утвердил «Основные Законы Всевеликого Войска Донского», принял донской флаг, герб и гимн, донские войска успешно дрались с большевиками и очищали родную территорию. Дон налаживал государственные отношения с Украиной, находился в деловых отношениях с иностранной силой, не по воле Дона появившейся на донской территории, — с немцами.

С Кубани поступали достоверные сведения о повсеместных восстаниях казаков. Иногда эти восстания принимали широкие размеры. Так, например, в районе города Ейска подняли восстание сразу 11 станиц, восстала станица Уманская, вспыхнули восстания в Канкаском, Лабинском и Таманском отделах. Восставшие станицы Таманского полуострова, освободившись от большевизмской власти при помощи немцев, прислали своих представителей к Кубанскому Правительству, а их начальник штаба, полковник Бедаков, прибыл в Новочеркасск. И хотя восстания на Кубани жестоко подавлялись советской властью, но они свидетельствовали о том, что у кубанских казаков окончательно прошел период примиренческого настроения и что казаки вступали в решительную борьбу с захватчиками власти. Достаточно было, чтобы общепризнанный организационный центр взял в свои руки руководство этим народным движением, обеспечил снабжение оружием восстающих казаков и успех освобождения Кубани был вполне обеспечен, тем более, что Кубань со стороны большевизмского московского центра была прикрыта восставшим Доном. Успешное освобождение Дона, производимое силами донских казаков, было ярким и убедительным примером для кубанских казаков.

Кубанское Правительство уже вступило в соглашение с Доном. Посланная в Киев Кубанская делегация встретила со стороны Правительства Украины самый радушный, самый сердечный прием. Потомки славного Запорожья снова встретились с Гетманом Украины в старославном Киеве, старая Тмутаракань прислала послов в столицу Украины!

Кубанцы просили: дать оружие для борьбы с новыми оккупантами и при переговорах Правительства Украины с Советской Россией не признавать за московским правительством права на владение Кубанью.

Правительство Украины распорядилось о немедленном отпуске вооружения для Кубани, а также согласилось при переговорах с большевиками настаивать на невключении Кубани в состав советского государства. И с немецким командованием наметились деловые отношения: Кубань хотела, чтобы немцы не препятствовали провозить оружие с Украины, а немцы нуждались в кубанском хлебе.

Таким образом, повсеместные восстания казаков на Кубани, установившие союзные отношения с Доном, дружественные отношения с Правительством Украины и деловые отношения с немецким командованием в полной мере обеспечивали для Кубанского Правительства успех в подготавливаемом освобождении Кубани. Проведение же в жизнь п. 4 соглашения Кубани с Доном, говорящего об учреждении совместных для Дона и Кубани военных советов для разработки плана борьбы с большевизмом и для общего руководства воен-

ными операциями, сразу привело бы к успешным действиям союзных армий Дона и Кубани.

Решительное и скорое использование всех благоприятных для дела освобождения условий и обстоятельств лежало на обязанности не только Кубанского Правительства, но, естественно, и на обязанности Кубанского Войскового Атамана Филимонова, а также на всех сынах Кубани и, в первую очередь, на Кубанских офицерах и казаках, собранных в кубанском отряде на Дону.

Конституция Кубани, принятая Атаманом присяга, заключенное с Доном и подписанное Атаманом Филимоновым соглашение, страдания Кубани под большевиками, стоны, доносящиеся оттуда, должны были принудить Атамана или, не промедляя ни одного дня, взяться за работу, или уйти со своего поста и не мешать другим делать то дело, о котором так много говорилось на Раде и в станицах Кубани.

Однако, ясно для каждого, что осуществление намеченного реального плана борьбы с большевиками отводило для добровольческого командования и для собранных им русских добровольцев ту скромную роль, которая в действительности им принадлежала — при добром желании это командование могло быть союзником донского и кубанского правительств, ведущих на своих территориях борьбу с большевизмом, или со своими русскими добровольцами могло выйти на север от освобожденного Дона или на северо-восток, за Волгу, для борьбы с русским большевизмом. Само собою разумеется, что ни Правительство Дона, ни Правительство Кубани не отказали бы добровольцам в помощи оружием и в наборе добровольцев среди русских людей, бежавших из России в Казачьи Земли.

Донской Атаман Краснов, немедленно после своего избрания, издал приказ о том, чтобы все донские казаки были изъяты из рядов Добровольческой Армии, прибывшей на Дон. Донцы исполнили распоряжение своего Атамана. По этому поводу Деникин пишет, что уход донцов

„Расстроил сильно некоторые наши (добровольческие) части, особенно партизанский и конный полки. Мне пришлось поблагодарить донцов и отпустить их, чтобы не обострять положения и не создавать картины развала... В краткий период кризиса (май месяц 1918 г.), пережитого Добровольческой армией, отдельные лица, иногда небольшие части, дезертировали из армии на службу на Дон, встречая там радушный прием“ (Деникин, т. II, стр. 272—273).

При личном свидании Атамана Краснова с Деникиным, 15 мая 1918 г., Донской Атаман самым категорическим образом настаивал на продвижении добровольцев на север. Деникин уже за границей признает, что уход только одних донцов из рядов добровольцев „расстроил сильно некоторые наши части, особенно партизанский и конный полки“, не менее $\frac{2}{3}$ остальных войск, именуемых Добровольческой армией, составляли кубанские казаки. Деникину просто не с чем было идти на север. Если бы Кубанский Атаман сделал бы такое же распоряжение, какое в мае месяце 1918 г. сделал Донской Атаман относительно донцов, находившихся в Добр. армии, Кубано-Добровольческий вопрос был бы безболезненно разрешен раз и навсегда. Те несколько тысяч кубанцев, собравшихся тогда на Дону, скоро выросли бы в сильную Кубанскую армию, которая вооружаясь за счет большевиков и за счет оружия, привозимого с Украины, освободила бы Родной Край и помогла бы освободиться терцам, а Кубанская и Терская армии помогли бы Дону (и себе) в борьбе с большевиками, наступающими с севера.

Что же делали в это время русские и кубанские единомышленники? Ген. Деникин поручил ген. Покровскому организацию полков из казаков восточных станиц Ейского отдела, находящихся близко расположения Добровольческой армии. Роль Покровского на Кубани в первый период борьбы нами была уже выяснена. После объединения кубанских и добровольческих войск в один отряд, Законодательная Рада не один раз настаивала на отрешении Покровского от должности командующего Кубанской армией. Теперь, назначение Покров-

ского на роль организатора станиц Ейского отдела ясно указывало на то, что Деникин и Филимонов упорно продолжали вести старую политику втягивания кубанцев в русские единоеделеческие сети.

Атаман Филимонов принужден был подписать в Новочеркасске вышеприведенный договор Кубани с Доном. Это он сделал для того, чтобы не показать открыто своих действительных намерений — служения русским генералам.

Что сделал Атаман Филимонов для проведения в жизнь подписанного и им договора с Доном? Ни в его деятельности во время пребывания Кубанцев на Дону ни позже мы не находим ни малейших указаний на то, чтобы Атаман Филимонов сделал что-либо для осуществления этого договора. Таким образом, он обманывал донцов, обманывал Кубанское Правительство и Раду и предавал дело освобождения угнетенного большинства родного Войска. Больше того, в деятельности Кубанского Атамана после подписания договора с Доном мы видим шаги, направленные к полной ликвидации всей большой работы, проделанной Кубанским Правительством и Законодательной Радой.

24 мая 1918 г. Филимонов, как глава Кубанского казачьего Войска, подписал договор с Доном, 26 мая, вместе с председателем Кубанского Правительства Л. Л. Бычем подписал назначение члена Рады П. Л. Магаренко представителем Кубани на Дону, а 30 того же мая месяца, возвратившись в место расположения Кубанских войск, собрал в ст. Мечетинской кубанских офицеров и выступил перед ними с самыми недоброжелательными и клеветническими обвинениями по адресу Кубанского Правительства и Законодательной Рады, призывая кубанское офицерство помочь ему „расправиться“ с этими органами власти. Со стороны незначительной части собравшихся офицеров раздались открытые угрозы в адрес Правительства и Рады: „Давно бы их нужно перебить, переколоть“ и т. д. Однако, среди большинства офицеров предательские призывы Филимонова поддержки не встретили.

Выступление кубанских и добровольческих офицеров против Рады и Правительства, без сомнения, дало бы повод рядовому казачеству, в глубине души ненавидящему „картузику“, оружием очистить чрезвычайно тяжелую политическую атмосферу. Деникин и Филимонов не осмелились тогда попробовать осуществить задуманный план ликвидации неугодного Кубанского Правительства и Рады. Об этом пишет генерал Деникин в III томе своих „Очерков Русской Смуты“ следующее :

„В ту же ночь (с 30 на 31) я послал письмо полковнику Филимонову, предложив ему не осложнять и без того серьезный кризис Добровольческой армии... Впоследствии полковник Филимонов в кругу лиц, враждебных революционной демократии, не раз говорил: я хотел еще в Мечетке покончить с Правительством и Радой, да Деникин не позволил.“

Мы уже видели, какую преступную роль сыграл Атаман Филимонов в первый период борьбы на Кубани, поставив во главе кубанских войск капитана Покровского. Во время Кубанского похода Филимонов не удовлетворил требование Зак. Рады об отрешении Покровского от должности командующего уже несуществующей Кубанской армии.

Если вспомнить, как униженно и раболопно Атаман Филимонов благодарил 11 марта полусонного, полупьяного Покровского, которого ненавидело большинство кубанского офицерства, и сравнить смелость и дерзость того же Филимонова, проявленные им в открытых призывах кубанских офицеров расправиться с Правительством и Радой, можно себе представить всю бездну моральной низости и подлости, до которых доходил первый выборный Атаман Кубани, проводя в жизнь желания русских генералов.

Само собою разумеется, что ни о каком перевороте в то время не могло быть и речи. Всякая попытка вооруженного нападения на членов правительства и Рады со стороны Филимонова-Покровского была бы подавлена кубанскими казаками в корне. Хорошо это знали и Деникин и Филимонов. Но им нужно было внести

разнь и борьбу в самую кубанскую среду, им нужно было среди кубанского офицерства и рядового казачества посеять недоверие к Кубанской Раде и Правительству, которые приступили к осуществлению большого и реального плана освобождения Кубани и создания из Казачьих Войск самостоятельного государства, построенного на федеративных началах.

Всю свою энергию Филимонов направил на удержание кубанских казаков в руках русских генералов. Филимонов не был одинок, ему усиленно помогали и некоторые старшие кубанские офицеры, такие, как полковник Науменко, полковник Чумаченко, генерал Звягинцев и другие, усматривавшие в работе Правительства и Рады большое препятствие к построению единой и неделимой России.

Как в первый период борьбы на Кубани, так и во второй ее период, к глубокому сожалению, среди кубанских офицеров было еще много тех, кто поддерживал явно предательскую политику Филимонова, направленную к тому, чтобы огромную военную силу кубанского казачества передать в руки единоеделеческих русских генералов, втянуть Кубань в борьбу между красной и белой Россией...

Политический, хозяйственный и социальный режим, вводимый на Кубани Радой, не только не соответствовал взглядам некоторого кубанского офицерства, но прямо нарушал его интересы, так как эти офицеры не хотели поступиться ни своей землей, ни своей „карьерой“. Эти офицеры не только не хотели сражаться за кубанскую самостоятельную государственную жизнь, а в возмущении, в восстановлении единой, неделимой и монархической России видели защиту своих прав, как хозяйственных, так и экономических...

Иначе было на Дону. Донское казачество восстало против большевиков и организовало свою самостоятельную Донскую армию, весьма успешно бившую большевиков, под руководством своих донских офицеров и генералов. Донской атаман Краснов никогда не хвалился своим демократизмом или защитой революционеров, как это делал Филимонов, но Атаман Краснов сумел стать во главе Донской Республики и строить ее самостоятельность. Опираясь на донские силы, он указывал Добровольческой армии ее надлежащее место. Мы далеки от мысли защищать и обелять Краснова в содеянных им ошибках, мы можем теперь выразить только сожаление, что ген. Краснов сошел с того пути, на котором он (как позже оказалось, неискренно) стоял в 1918 году. Добровольческое командование оказалось, однако, „дальновидным“: оно подсуло донцам донского Филимонова — генерала Богаевского, занявшего при Атамане Краснове пост председателя Донского Правительства. Богаевский являлся главным осведомителем Добровольческой армии о всех начинаниях Дона, а позже Богаевский стал Донским Атаманом и стал делать на Дону то, что на Кубани делал Филимонов ..

В начале мая 1918 г. Донское командование уже имело 17 тысяч бойцов при 21 орудии и 58 пулеметах, а в июне донцы имели под ружьем до 40.000 бойцов при 57 орудиях и 179 пулеметах; в июле было уже организовано 50.000 бойцов при 92 орудиях и 272 пулеметах.

Эта огромная донская казачья сила разгромила более 70 тысяч действовавших на Дону большевистских войск при 200 орудиях и 400 пулеметах. Если бы в это время Кубанский Атаман не ползал у ног русских генералов, а взялся за организацию Кубанской армии, если бы из рядов кубанских офицеров, бывших на Дону, выделилась группа кубанских патриотов, мечтавших не о России, а о свободной Кубани, то восстающая масса кубанского казачества быстро превратилась бы в стройные боевые полки, сметающие перед собой красных московских пришельцев...

Объединение донцов, кубанцев и терцев к осени 1918 г. дало бы прекрасную армию, а прибывшие потом в Казачьи Земли союзники нашли бы тут не Добровольческую русскую армию, какой она, по сути не была, а нашли бы тут Казачью армию, борющуюся за свои Земли и свою свободу...

Если финны, эстонцы, латыши, литовцы и другие народы отстаивали свои земли и теперь большевики на

землях этих народов не могут производить свои кровавые эксперименты, то с тем большим успехом это могли бы сделать казаки, если бы они не связались с русским добровольческим движением. Большой грех лежит на всех казаках, которые отдали казачьи силы в распоряжение русских генералов.

Сам Деникин признает:

„что красная армия строилась исключительно умом и опытом „старых царских генералов“. Участие в этой работе комиссаров Троцкого и Подвойского, товарищей Абрамова, Антонова, Сталина и многих других было в начале чисто фиктивным, они играли лишь роль надзирателей.

Одни (русские генералы) дали разум, другие (русские коммунисты) внесли волю.

Все органы Центрального Военного Управления возглавлялись генералами-специалистами — особенно хорошо был представлен Генеральный Штаб — работавшими под неослабленным надзором коммунистов.

Почти все фронты и большинство красных армий имели во главе старших начальников старой армии (Северный фронт против Архангельска — генерал Парский, Восточный — на Волге — полковник Каменев, Южный — против Дона — генерал Сытин и т. д.) (Деникин, т. III, стр. 144)“.

Таким образом, на завоевание восставших против сов. России народов и земель русский народ вели старые русские генералы! И надо раз и навсегда отбросить сказку о том, что Дон, Кубань, Терек, Украину, Кавказ и т. д. завоевали разбойники-коммунисты, а не русский народ. Следует вспомнить и момент наступления России против Польши в 1920 г., когда на призыв знаменитого русского генерала Брусилова „из подполья вылезло 100 тысяч русских офицеров“ и стало в ряды русской, называемой ныне красной армией, шедшей войною „на Варшаву“. Эти русские генералы и множество русских рядовых офицеров не постеснялись стать в ряды большевиков, лишь бы помочь им, русским большевикам, строить великую неделимую Россию!

Русские красные генералы отличаются от русских белых генералов только выбором пути, по которому они шли и идут к одной цели — единой и неделимой России. Одни генералы (большинство) пошли с большевиками, а другие (меньшинство) избрали путь „Белого движения“. Одни поют Интернационал, бьют и расстреливают врагов единой неделимой Красной России, другие — поют „Боже, Царя храни!“ или „Коль славен“... и... тоже били и расстреливали стремившихся к освобождению от той или иной единой-неделимой.

Отсюда становятся понятными и те бедствия, в которые поверг Кубань Атаман Филимонов, назначив Покровского командующим кубанскими войсками; отсюда понятно молчаливое сотрудничество с ним полковника Науменка и других кубанских офицеров; понятна и ненависть некоторых генералов к Раде. Филимонов унижался и подличал перед Покровским, ибо Покровский представлял на Кубани интересы русских генералов. Филимонов дерзко и предательски нападал на Раду и Правительство, ибо они явно мешали осуществлению единонеделимческих намерений. Филимонов не слушался воли народной Рады, от которой получил власть, но в то же время слушался простой записки Деникина. Филимонов публично, перед Войсковым собором, перед крестом и евангелием, перед казачьими Войсковыми знаменами, перед всей Радой, перед кубанскими войсками клялся, что будет защищать установления, до-

стоинство и честь Кубани, а потом в кругу своих не раз говорил: „Я еще в Мечетке хотел покончить с Правительством и Радой“. Подхалимством, низкопоклонством и услужением перед русскими „неделимцами“ и сознательное и низкое предательство интересов Кубани, имевшей несчастье вручить ему атаманскую булаву...

Таким образом, в самой Кубанской среде создавалось невыносимое и гибельное для дела освобождения Казачества положение: Филимонов открыто выступал против Рады и Правительства, а последние, видя предательскую роль Филимонова, не отважились пойти на решительные действия для отстранения этого предателя Кубани. Почему? Филимонов был избран в Атаманы Кубани на Войсковой Раде осенью 1917 г., на той же Раде была избрана и Законодательная Рада. Потом перевыборы Зак. Рады были произведены на совместных заседаниях Войсковой Рады и Съезда иногородних Кубани в декабре месяце того же года, но в том же месяце Филимонов поставил вопрос о доверии и такое доверие ему было дано Радой. Законодательная Рада не имела права устранить законным порядком выбранного Войсковой Радой Атамана; она могла бы это сделать только путем нарушения Конституции Кубани, путем переворота. На этот путь Законодательная Рада не стала, может быть потому, что часть членов Рады безусловно поддерживала политику Атамана Филимонова. В самом Кубанском Правительстве были горячие и решительные сторонники политики Филимонова, ибо они боялись, чтобы Кубань не попала под власть самостийников. Этой группой сторонников Филимонова руководили члены Куб. Правительства Ф. С. Сушков и Д. Е. Скобцов и члены Рады: сотник Филимонов, П. Каплин и другие. Атаман Филимонов не делал ни одного серьезного шага, не посоветовавшись с ними, и, наоборот, члены этой группы свои выступления в Раде и Правительстве согласовывали со взглядами Филимонова.

Кроме того, в самой Раде и в Правительстве были и нейтральные люди.

Следствие такой ситуации, переворот могли провести или „русские казаки“ во главе с Филимоновым, опираясь на добровольческое командование и часть кубанских офицеров, ненавидевших Раду, или большинство Рады и часть Правительства, опираясь на казаков и близких им офицеров. Филимонов, как мы видели, пробовал устроить переворот 30 мая 1918 г., но струсил довести дело до конца.

Необходимо отметить, что действительно самостийническая часть Законодательной Рады, находившаяся при войсках, была чрезвычайно ослаблена отъездом делегации на Украину и на Дон. (Председатель Правительства Л. Л. Быч тоже находился на Дону в мае и июне месяцах).

Необходимо отметить, что возможное устранение Филимонова сопровождалось бы безусловным и полным разрывом с Добровольческой армией. Это хорошо понимали и в армии. Поэтому насильственное удаление Филимонова и его группы безусловно привело бы к столкновению между добровольческими войсками и кубанскими казаками, ставшими бы на сторону кубанских самостийников. Это столкновение произошло бы на донской территории в непосредственной близости сильных большевицких отрядов, сосредоточенных на фронте Батайск-Кушцовская и делавших непрерывные усилия для ликвидации Кубано-Добровольческого отряда.

(Продолжение следует).

Всем поздравившим редакцию „В. К.“ с праздником Светлого Христова Воскресения

мы посылаем ответное Воистину Воскресе!

Чужинец.

Казакофильство эпохи „хождения в народ“.

Несколько расплывчатое, но горячее казакофильство вождей русского революционного движения, их похвалы первобытной казачьей общине, казачьему социализму (? Ред.) потреблению и распределению, казачьему вольнолюбию и исторической борьбе вольного казачества во имя освобождения русского крестьянства (? Ред.) — все это нашло горячий отклик в радикальной российской молодежи. Подготавливаясь к участию в грядущем революционном „хождении в народ“, часть молодежи ухватилась за изучение прошлого русского народа, т. е. „простого“, трудящегося народа. Помимо книг, посвященных великой французской революции, борьбе западно-европейских рабочих за лучшее будущее, усиленно читались труды по русской истории — Щапова, Костомарова, Мордовцева, Антоновича и, в особенности, все, что касалось народных движений и казачества. Весьма характерно, что первый же доклад, прочитанный русской студенткой (Варварою Александровой) в кружке русских студентов Цюрихского университета (в 1872—3 уч. году) был посвящен Стеньке Разину. Вспоминая о нем, Вера Фигнер говорит: „Бледный пересказ статей Костомарова не был интересен, и апофеоз вождя понизовой вольницы не вызвал разногласий: для всех одинаково он (Разин) был героем.¹⁾ Тоже подтверждает и И. П. Белокопский,²⁾ рассказывая о Волге „привлекавшей всю тогдашнюю молодежь, в глазах которой и Пугачев и Разин были героями стремившимися достигнуть свободы для всего народа“.

Молодежь, не зная ни народа, ни казачества, делала открытие, что на юге „живы еще песни казачества, во многих местах знают наизусть и поют Шевченко, а к низким волжским степям все живее рассказы о Разине и Пугачеве и „небывальщинки“ об их времени, переходящие от деда ко внукам... В одной деревне „старички вспоминали сами про былое. Пересказывали то, что слышали от отцов про Разина, вздыхали о настоящей воле“...³⁾

Из заграничных и не только от нетерпеливого Бакунина, но и от рассудительного Лаврова, приходили советы и планы: „нужно, чтобы восстание вспыхнуло разом во всех концах России, чтобы на крестьянские восстания ответил бунт по Волге и Дону, на Каме и Неве, Днепре и Урале“...⁴⁾

Нахватавшись кое-каких сведений о народных движениях, о казачестве, молодежь спешила поделиться ими с рабочими. Так Фроленко, еще в 1871—72 гг., будучи студентом Московской (Петровско-Разумовской) сельско-хозяйственной академии наблюдал, как студенты в Москве „читали не раз рабочим о Пугачеве, Разине, французской революции, но впечатления не выливались ни в какую практическую программу“. Сам он собирався читать о борьбе парижских коммунаров 1871 г., о Разине, Пугачеве, гайдамаках.⁵⁾

Зимой 1873—1874 г. в университетских городах, а за ними и в крупных центрах России среди молодежи решался вопрос о необходимости от слов перейти к делу, двинуться в народ, по возможности, одевшись в народное платье, научившись к. л. простому ремеслу и призвать народ к восстанию. Предполагалось, что народ готов восстать во имя свободы и социализма (земля — трудящимся, фабрики — рабочим). Одни хотели,

„Обновившись, с душою свободно,
Бросивши вызов судьбе,
Вызвать бурливое море народное
К грозной за волю борьбе“...

¹⁾ Фигнер: „Запечатленный труд“, М. 1921, т. I, с. 66; Аптекман: „Земля и Воля“ 70-х гг., Петроград, 1924, с. 72.

²⁾ „Дальние времена“, М., 1928, с. 81.

³⁾ „Заметки пропагандиста“, „Вперед“, № 21, 18 ноября 1875, с. 653.

⁴⁾ „Солдатчина“, „Вперед“ (журнал), т. III, с. 247-248.

⁵⁾ Фроленко: „Записки семидесятника“, М. 1927, с. 42, 44, 91, 110.

Другие хотели проповедывать в народе начала переустройства общества на социалистических началах. Третьи мечтали о политическом освобождении народа. Четвертые хотели увидеть народ вблизи, изучать его. Пятые хотели послужить народу в качестве близких к народу людей (народных учителей, земских фельдшеров, сельских писарей).

Спрашивается, каково же было отношение этих народолюбцев к казачеству? На это отвечают участники „хождения в народ“. Они, — вспоминает Дебагорий-Мокриевич,⁶⁾ — рассуждали так: „на Волге, Дону, Днепре сохранилось в народе более революционных традиций, чем в средней России, так как самые крупные народные движения происходили на окраинах: пугачевщина на Волге, бунт Ст. Тим. Разина на Дону, гайдамачина на Днепре“. Фроленко пишет: „весною 1874 г. решили отправиться на Урал, на Волгу, на Дон — напомнить о Разине, на Днепр, в Киевщину, в места где разыгрывалась гайдамачина.“ По словам Аптекмана, вопрос молодежью был решен настолько, что при встрече обменивались лаконическими вопросами: „куда направляетесь, куда едете?“ и не менее лаконическими ответами: „на Волгу, на Урал, на Дон, на (s i c!) Запорожье“.⁸⁾ Рассказавший впоследствии и ставший злостным предателем Ф. Курицын докладывал (в 1878 г.) начальству: „Я не думаю, чтобы в то время были кружки. Все это составляло одну ораву, дикое стадо, все суетилось, двигалось с одного места на другое: одни ехали (на Волгу) поклониться бугру Стеньки Разина, другие на Дон“...⁹⁾

Несомненно, какой-то элемент психической заразы был в „хождении в народ“. В секретной записке министра юстиции графа Палена было констатировано, что революционная пропаганда обнаружилась в 1874 г. в тридцати семи губерниях. Всех привлеченных к дознанию по делу о революционной пропаганде в Империи Пален насчитывал 770 чел., из них мужчин — 612 ч., женщин — 158; под стражею (в 1875 г.) — 265 ч., на свободе с принятием против них других мер — 452; не розысканных — 53 ч.¹⁰⁾ „Движение это, — писал один из участников его С. Кравчинский, — едва-ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличающимся вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Социализм пропагандиста 70-х гг. был его верой, народ — его божеством“.¹¹⁾

Установившая казачий элемент в движении, мы отметим, поскольку революционеры говорили народу о казачестве и его прошлом, в чем выразилось участие казачьей молодежи в общероссийском движении и как развивалось движение в казачьих краях.

В эпоху „хождения в народ“ революционеры заготовили ряд брошюр для пропаганды.¹²⁾ Среди них казачеству были посвящены, собственно лишь три брошюры: „Ем. Ив. Пугачев“ (на обложке иногда стояло: „Емелька Пугачев“); переделанная „драматическая хроника“ Навроцкого „Вольный атаман С. Т. Разин“ и, наконец, писанная прозой брошюра „Стенька Разин“ (не имевшая ничего общего с предыдущей) Больше всего распространяема была последняя. Самарский кружок, распенивая обе книжки, пришел к убеждению, что „Вольный атаман С. Т. Разин“ годен исключительно для лиц

⁶⁾ Дебагорий-Мокриевич: „Воспом.“, 1906, с. 126.

⁷⁾ Фроленко: „Хождение в народ“, „Кат. и Ссыл.“, № 11; его же „Записки“, с. 94, 110.

⁸⁾ Аптекман „Земля и Воля“ 1870-х гг., 1924, с. 133.

⁹⁾ „Кат. и Ссыл.“, 1932, № 5, с. 65, „Записки Ф. Курицына“.

¹⁰⁾ Записка Палена была издана революционерами в Женеве, в типографии „Работника“, 1875 г.

¹¹⁾ „Подпольная Россия“, с. 17.

¹²⁾ „Сказка о 4 братьях“, „Хитрая механика“, „Сказка о копейке“, „Как надо жить по закону природы и правды“ в др.

более или менее развитых, как-то народных учителей, семинаристов и гимназистов, а „Стенька Разин“ — для народа.¹³⁾ Тот же кружок видел возможность выхода „из насоящего тяжелого положения лишь при условии единодушного образа действий со стороны народа, в доказательство чего ссылался на бунты Стеньки Разина и Пугачева“.

Брошюра о Пугачеве распространялась в 1874 г. сравнительно мало, за то в последующие годы она преобладала над брошюрами о Разине. По отдельным районам, на которые распространялась деятельность „ходившей в народ“ революционной молодежи, мы видим повсюду и устную пропаганду, со ссылками на историю казачества, на Разина и Пугачева, а также и на гайдамачину (на юге), и раздачу брошюр. В Петербурге был революционный центр, если не организационный, то идейный (кружок „чайковцев“ и другие). Кружок „чайковцев“¹⁴⁾ был издателем и главным распространителем брошюр о Разине и Пугачеве. Его член Сергей Крачинский читал рабочим (тайные, конечно) лекции по истории, сводившиеся, по показанию предателя Низовкина, „к рассказам о бунтах Разина и Пугачева, перевозимых им до небес“ (Гос. пр., т. III, с. 20). О Разине же читали петербургским рабочим Чарушин, кн. Кропоткин, Шишко и другие, и давали читать брошюры о нем. Кропоткин читал и „Пугачевщину“ по собственной рукописи, которую он посылал за границу для отпечатания (III, 36). Копию с этой рукописи, писанную самим Кропоткиным, нашли при обыске у Гауэнштейна (III, 37). Синегуб, стоявший во главе особого кружка, хранил и распространял брошюры о Разине; о нем же читал он лекции рабочим, называл Разина „героем и освободителем народа от бар“. Стаховский, член кружка Синегуба, читал рабочим о Разине, называл его „освободителем и защитником крестьян“ (III, 26—27).

В нелегальных библиотеках Низовкина, Орлова, кружка Ковалика, „кружка артиллеристов“ и др. были найдены при обысках десятки обеих брошюр о Разине. Многие из рабочих успели разнести эти же брошюры из Петербурга по родным местам (уезды Тверской, Кологривский, Старицкий и др.). (III, с. 39, 21, 29, 56).

София Лешерн фон-Герцдорель пошла в народные учительницы Петербургской губернии в 1873 г. Ее изобличали, что она говорила ученикам будто-бы, что „надо сделать бунт, перебить господ, как Разин перебил бояр“ (III, 42, 282). Уже после разгрома „ходивших в народ“, в окт. 1875 г. в дер. Фехтольме, у кузнеца Мокина была найдена брошюра о Разине „неизвестного автора“. Давшие ее кузнецу Викт. Обнорский и Левашов, приводя в пример Разина, советовали ему убеждать и других крестьян и указывали на силу, которую представляют целые деревни недовольных.¹⁵⁾ Вообще же учащаяся молодежь, разезжаясь из Петербурга весной 1874 г. на родину, развезла с собою громадное количество революционных брошюр.

Другим важнейшим центром, естественно, была Москва. В Богородском уезде были арестованы Устюжанинов и дочь действит. стат. советника Панюгина, говорившие, что Пугачев „казнил и вешал только богатых“ (III, 171). Из Москвы пропаганда направилась по волжским губерниям — Тверской, где помещик Ярцев составил воззвание к народу со ссылкой на пример Разина и Пугачева и распространял о них брошюры (III, 32); — Ярославской, где помещик А. И. Иванчин-Писарев читал о Разине и раздавал о нем брошюры (III, 207); — Нижегородской (III, 164—5); — Казанской (III, 75, 181); Саратовской (III, 189, 122) и т. д.

В Самаре и Самарской губернии оказался довольно важный пункт.¹⁶⁾ В этой местности была обнаружена

масса брошюр о Разине обоих изданий. Никифор Емельянов, раздавший немало этих брошюр выражал сам восхищение Разиным (III, 241), а Войнаральский и Бух, странствуя переодетые плотниками, сообщали рабочим о революционных организациях на Западе, но особенно подробно о Пугачеве в Разине.¹⁷⁾

Видный пункт оказался в Пензенской губернии, где действовали мировые судьи Эндуров и Войнаральский. Д. Рогачев говорил здесь учащимся, что „на Пугачева и Разина следует смотреть не как на разбойников, а как на людей, стремившихся к облегчению положения народа“ (III, 49, 191—195).

Из Казани пропаганда пошла по Каме, и в Вятке уже в июле 1875 г. была обнаружена сапожная мастерская Прокопьева, где говорилось рабочим, что „через 10 лет в России будет бунт, явится какойнибудь Стенька Разин и пойдет за нас“. Сельская учительница А. Якимова распространяла брошюры о Разине и в Вятке, и в Орловском уезде Вят. губ. (III, 256—257).

На Юго-Западе революционные центры создались в Киеве и Одессе. В этом районе усиленно распространялись те же брошюры о Разине и Пугачеве, но чувствовали, что здесь нужны были украинские брошюры (коих не было). О гайдамачине напоминали Дебагорий-Мокриевич с товарищами, Ек. Брешко-Брешковская (III, 120, 124, 131). В самом городе Киеве рабочим „очень нравилась „Хитрая Механика“, „Емельян Пугачев“.¹⁸⁾ В Одессе Макаревич предлагал Евг. Завадской написать „народную книжку „Гайдамаки“ по Мордавцеву“. Чудновский, уехавший в Вену, слал оттуда пудами брошюры (в одном только „провалившемся“ транспорте было 85 экз. „Стеньки“ и 155 экз. „Вольного атамана“). По словам Дебагория-Мокриевича для пропаганды пользовались и книгою Костомарова „Бунт Ст. Разина“, которая имела то преимущество, что была „легальной“.¹⁹⁾

Всюду, где появлялись пропагандисты, мы видим распространение брошюр о Разине и Пугачеве, вплоть до молюканских слобод в Тифлиской губернии (III, 107). Министр юстиции, гр. Пален писал в своей „Записке“ 1875 г.: „к книжкам с более определенным и бунтовским направлением относятся брошюры о Стеньке Разине, в которых восхваляются и воспеваются его действия и казнь, как подвиги великого гражданского мужества на защиту угнетенного народа“.²⁰⁾ Восхвалялись, добавим мы, не только вожди казачества, но и вольное казачество, как вольнолюбивый и своеобразно социалистический элемент населения Империи. Однако-же если поставить вопрос, было-ли известно пропагандистам 1874 г. истинное политическое и экономическое положение современного им казачества, знали-ли они сами и понимали-ли историю вольных казачьих Войск до и после Петра, то ответ должен быть отрицательный. И великорусскому крестьянству центра, северо-востока и всего Поволжья, и украинскому населению юго-запада и юга России пропагандисты, именем казачьего прошлого, именем бывших казачьих вождей (главным образом, Разина и Пугачева) обещали помощь и заступничество казачества, не спросившись казачества.

Естественно, конечно, что пропаганда распространилась и на Казачьи Земли. Мы знаем, например, что старый революционер — шестидесятник Митрофан Муравский, выгнал вести пропаганду среди оренбургского казачества,²¹⁾ что членом оренбургского революционного кружка Голоушева был уральский казак Пав. Орлов; впоследствии вошедший в террористический кружок В. Осинского. Но особенное внимание революционеров привлекли Дон, Кубань, Терек и Урал.

В 1870-х гг. казачья учащаяся молодежь начинает все более вовлекаться в революционное движение. В 1870 г., осенью, подвергается в Петербурге обыску студент Медико-Хирургической Академии Анат. Сердюков, а в станице Усгь-Медведицкой арестуются ученик ме-

¹³⁾ „Государственные преступления в России в XIX в.“, Париж, т. III, 1905, с. 83. В дальнейшем цитирую эту книгу сокращенно.

¹⁴⁾ Во главе его стоял окончивший Петерб. унив. Ник. Вас. Чайковский, впоследствии председатель Архангельского правительства и член Южно-Русского Правительства (1920 г.).

¹⁵⁾ Невский: „Ог Земли и Воли“, М. 1930, с. 280, 374.

¹⁶⁾ Госуд. прест., т. III, с. 22, 227, 234—5, 239, 240, 249—251.

¹⁷⁾ Бух: „Воспом.“, М. 1925, с. 87.

¹⁸⁾ „Вперед“ № 14, 1 авг. 1875, с. 436.

¹⁹⁾ „Гос. прест.“, т. III, 140, 143, 151, 155; Дебагорий „Восп.“, 1906, с. 111.

²⁰⁾ „Вперед“, № 15, с. 165.

²¹⁾ Передл, между прочим, „Стеньку Разина“ уряднику станицы Магнитской Невзорову. III, 74.

стной гимназии Ник. Зайцевский и студент Мед.-Хир. Академии Андрей Селиванов, казак ст. Цымлянской, — за снабжение книгами тайной гимназической библиотеки. После полуторамесячного ареста Селиванов получил внушение и был отдан под негласный надзор. При дознании выяснилось, что в Петербурге Селиванов жил вместе с членами (нечаевского) сибирского сепаратистского кружка.

Донцы были замешаны и в первое дело пропагандистов, обнаруженных еще в 1873 г. в Москве и судившихся по процессу Долгушина. Так, членом основного кружка долгушинцев был сын войскового старшины, студент Петербург. Технолог. Института Андрей Чиков. В авг. 1873 г. он передал студенту Попову, возвращавшемуся на Дон письмо к машинисту М. Ф. Грачевскому (впоследствии видному революционеру) и посылку с революционными брошюрами. Среди брошюр была уже брошюра о Разине. Из письма видно, что в 1873 г. уже был в Новочеркасске революционный кружок с тайнственным „Иваном Яковлевичем“ во главе. „Иван Яковлевич“ должен был приехать к Грачевскому на ст. Чертоково. Интересно отметить, что Чиков писал не столько о пропаганде среди казаков, сколько среди крестьян слободы Гуляевки.²²⁾

По тому же делу судился донец Дм. Гамов, студент Разумовской Земледельческой Академии, получивший 8 лет кат. работ за распространение революционных воззваний на подмосковной Реутовской мануфактуре. В связи с ним арестовали его братьев — юнкера Александровского Военн. училища Константина (уволен из училища за хранение запрещенной литературы) и Измаила, вольнослушателя Моск. технич. училища (отдан под негласный надзор, но в 1878 г. сослан в Восточную Сибирь). Дм. Гамов умер в 1876 г. в больнице для умалишенных.²³⁾ Член долгушинского кружка Дмоховский и другие распространяли брошюры о Разине и Пугачеве.

В 1874 г. воздействие революционеров на Дон шло несколькими путями: из Петербурга, из донского землячества; из Харькова, из харьково-ростовского кружка; из Таганрога, из кружка Павловского и через одиночек, попадавших на Дон.

В Петербурге студенты-донцы, в первой половине 1870-х гг., группировались около студента Мед. Хирург. Акад. Ив. Владыкина, который в 1876 г. окончил Академию и вернулся в Новочеркасс, где прожил всю жизнь врачом и был довольно видным общественным деятелем. Сам Владыкин сперва был членом революционного кружка Оболенева, но надо сказать, что казачьи традиции были всегда отличительной чертой донских землячеств, возникавших в разных университетских центрах. Усть-Медведицкий казак, как и его брат Иван, Ник. И. Владыкин, студент-технолог был членом кружка чайковцев, был близок с С. Перовской и Эндауровым. Позже кружок пополнился донцами: Обуховым, Гостинцевым и другими. Ив. Орлов²⁴⁾ организовал в Новочеркасске в 1873 г. народнический кружок, к которому принадлежал народный учитель Тимофеев и др. лица. Кружок этот вскрыт был в 1874 г. С этим кружком связан был студент Мед.-Хир. Академии, казак ст. Глазуновской Аверкий Ветютнев, который вел пропаганду и на Дону и в Петербурге, в связи с кружком чайковцев²⁵⁾

В тесной связи с петербургскими донцами и кружком Обухова был студент Мед. Хирург. Акад. Цвилев, который в начале лета 1874 г. приехал в Новочеркасс и, по указанию местного кружка, отправился в качестве сельско-хозяйственного работника пропагандировать донских крестьян. При аресте его, через год, по делу 50-ти обнаружилось, что он завел большие связи среди донской молодежи. Сам Обухов, привлеченный к делу о революционной пропаганде в Им-

перии, не вынес 2-х лет тюремного заключения и умер в 1876 г. от чахотки.

Революционные кружки в Харькове были организованы приезжавшими сюда студентом Технолог. Института Ливановым и Мирковым судьей Коваликом. Ливанов вовлек в свой кружок студентов с Дона, работавших затем на Дону, а кружок Ковалика слился с таганроким. В самом Харькове оба кружка распространили немало брошюр о Разине в обоих изданиях.²⁶⁾

К харьково-ростовскому или донскому кружку (Ливанова) принадлежали донцы: сын священника Никандр Мощенко, студент Ветеринарного Института; сын священника Николай Быховцев, студент того же института; сын священника Ал. Емельянов, студ. ветеринара (арестованный 6 дек. 1876 на демонстрации у Казанского Собора в Петербурге, приговоренный под фамилией Боголюбова к 15 годам каторжных работ; подвергнувшись 13 июля 1877 г. расправе со стороны градоначальника Трепова, он сошел с ума); слушательница акушерско-фельдшерских курсов Елизавета Хотинская (Мощенкова); студент уни. Николай Барков и др.

Все эти лица отправились на Дон в 1874 г.

Из них Быховцев, Мощенко и присоединившийся к ним Лишафаев вели пропаганду среди донских крестьян. Емельянов собирался поступить с целью пропаганды в один из казачьих полков. Приехавший из Петербурга студ. Робинович дал Емельянову 120 руб. для определения его в полк (близ западной границы), но не для пропаганды, а для оказания содействия побегам революционеров за границу и доставки революционных книг из-за границы (III, 101). Но до Емельянова и Баркова дошли слухи, что старообрядцы на Дону столь возбуждены, что через 2-3 года взбунтуются. Оба они отправились к старообрядцам, а оттуда Емельянов, под видом рабочего, совершил путешествие (с остановками) по Дону от Ростова до Калача.

Из отдельных революционеров побывали на Дону разные лица. Так близкий к Ковалику студент Мед. Хир. Акад., саратовец, Александр Воронцов вел пропаганду на Дону, а затем бежал в Цюрих. С фальшивым солдатским паспортом странствовал по Дону киевлянин Каблиц, тогда проповедник террора; он успел, впрочем, побывать и в Астрахани и на Волге. Два видных „лавроста“, студенты-технологи Варзар, автор „Хитрой Механики“, и Ант. Таксис, под видом юсарей работали на Дону и вели пропаганду.²⁷⁾

Из числа донских уроженцев, привлеченных к дознанию по делу о революционной пропаганде в Империи (дело 193-х) назовем сына священника слободы Ореховой Усть-Медведицкого округа Як. Ломоносова, студента Мед.-Хир. Академии, который 19 февраля 1876 г., за свою деятельность в 1874 г. приговорен в административном порядке к особому негласному надзору; брата его Петра Ломоносова, участника Саратовского кружка, который был приговорен Сенатом в 1878 г. (после 4 лет заключения) к ссылке на житье в отдаленных губерниях (кроме сибирских); и сына есаула Мих. Нефедова, слушателя Мих. Артил. Академии, который вел революционную работу в Петербурге, Нижнем и Новочеркасске и, по суду Сената, был признан невинным. Все они провели в тюрьме от 2-х до 4-х лет.

В Таганроге, в феврале 1874 г., были аресты служащих Курско-Харьковско-Азовской жел. дороги, читавших и распространявших сочинения Герцена: конторщика товарной станции „Таганрог“ П. В. Шумакова, его сына Александра, счетовода Омеляненко, касира Шмаева, Степ. Скрыпникова, Ив. Гугнина. По высочайшему повелению 25 мая 1874 г. всем им зачли 2-месячный арест и дали 7 дней ареста и негласный надзор.

Летом 1874 г. действовали в Таганроге два кружка — один харьковского происхождения, кружок Андреевой, другой — петербургского, кружок Исаака Павловского. Анна Васильевна Андреева принадлежала в 1873 г. в Москве к кружку, организованному среди студентов Петровско-Разумовской Академии ставропольцем М. Ф. Фроленко. Весной 1874 г. она жила в Харькове и здесь привлекла к революционной работе

²²⁾ Чиков умер в марте 1875 г. в тюремной больнице от чахотки.

²³⁾ „Гос. прест.“, т. I, с. 460 и сл.

²⁴⁾ Повидимому, это и был тайнственный „Иван Яковлевич“, поминавшийся в процессе долгушинцев.

²⁵⁾ Ветютнев был арестован в Петербурге и после 2 летней тюрьмы выслан на родину, в ст. Глазуновскую.

²⁶⁾ „Госуд. прест.“ т. III, с. 8, 98, 110, 105-106.

²⁷⁾ Кулябко-Жорецкий „Из дальних лет“, 1931, с.114.

учеников местного железнодорожного технического училища Ф. Юркевича и Корабельникова. Она настоятельно посоветовала им ехать на лето, на практические занятия, в Таганрог или Новочеркасск, где они будут иметь возможность познакомиться с членами гайного общества. Она советовала писать в Новочеркасск Евд. Шумковой или „Ивану Яковлевичу“. Она же, по приезде в Таганрог, познакомила их с Исааком Павловским, студентом Мед.-Хир. Академии и его братом Аароном, не кончившим курса Таганрогской гимназии. Позже Корабельников был изобличен в распространении революционных брошюр и, особенно „Стеньки Разина“, а Юркевич сознался, что давал нелегальные книги служащему в частном банке П. А. Захаревичу, начальнику дистанции Н. И. Петрову, а студента института путей сообщения В. Кузьменко угovarивал вступить в кружок Павловского (III, 88-91).

Кружок Исаака Павловского составил еще в Петербурге. К нему принадлежали — слушательница акушерских курсов Эйделя Пумпянская, студенты Мед.-Хир. Ак. Зубков (впоследствии ставший известным под именем Зубку-Кодреану) и Иванишевич. Последний жил летом 1874 г. в Париже, отправляя отсюда в Россию запрещенную литературу, но — главным образом — получал кружок Павловского эту литературу через Германию от известного бакуниста Сажина.

По приезде на лето в Таганрог Павловский организовал нелегальную библиотеку для учеников местной гимназии; библиотекарем он сделал гимназиста А. Рахлина. Членами кружка были также сестра Павловского — Мария и брат Аарон. По показаниям одних, Аарон Павловский возил запрещенные издания в Новочеркасск, по показанию других он привозил их из Новочеркаска. Павловскому удалось привлечь гимназистов: Э. К. Пекарского (впоследствии известного революционера), бр. Рахлиных, Н. Комарова, студ.-технол. Макарова, студ.-мед. Ив. Левитского, учительницу гимназии Ол. Асланову и др.

Все эти лица были арестованы, кроме Аарона Павловского, бежавшего за границу и ставшего эмигрантом навсегда. Дело большинства из них было разрешено через 2 года назначением (19 февр. 1876 г.) мелких наказаний (недель и месяцев ареста), после 1½ года предварительного заключения, но Павловский, Андреева и 2 ее ученика судились Сенатом. Андреева, Юркевич и Корабельников были оправданы, а Павловский за недонесение о преступных сочинениях получил 3 мес. ар. с зачетом 4-х лет предварительного заключения. Однако вскоре он был сослан в Пинегу административным порядком, бежал за границу и стал эмигрантом.

Кружок Павловского усиленно распространял брошюры о Разине и Пугачеве среди учащейся молодежи, отчасти же среди крестьян таганрогского градоначальства и миусского округа. О пропаганде его среди казаков сведений нет. К сожалению, нет сведений о деятельности новочеркасских кружков, много ли они делали для пропаганды среди казачества.

В следующем, 1875-м, году мы видим продолжающееся в России распространение брошюр в Разине и Пугачеве, например, брошюры „Емельян Пугачев“ среди нижних чинов С.-Петербургского военного округа. Студ. Сиряков „толковал, что Пугачев делал ошибки, потому что начал жить по царски, а о престоноарды забыл; если случится бунт, не нужно давать одному человеку такое препоручение, какое имел Пугачев“ („Гос. пр.“, I, 580). В другой раз он „читал из большой печатной книги „Стенька Разин“, как тот воевал за крестьян, говорил, что его неправильно считают разбойником, что он стоял за крестьян“.²⁸⁾ Тоже делали и студ. Дьяков и рабочий Диомид Александров.²⁹⁾

На Кренгольмской мануфактуре А. Осипов и Лука Абраменков распространяли не только „Стеньку“, но и читали легальные книги о гайдамачине, со своими толкованиями, конечно.³⁰⁾

²⁸⁾ Очевидно, Сиряков читал книгу Костомарова.

²⁹⁾ См. отчет в журн. „Вперед“ г. V, отд. 2, и „Госуд. прест.“, т. I, с. 578-626.

³⁰⁾ „Вперед“ (газ.), № 38, 1 авг. 1876 г., с. 470. Ср. Одес. дело Бутовской, „Вперед“ № 43, с. 636.

Из дела Покрышкиных (в Рязанской губернии) обнаружилось, что подсудимые не только давали крестьянам брошюры, но и читали им поэму „Стенька“ из „Вестника Европы“ и рассказывали о пугачевщине, пользуясь романом Салиаса де-Турнемир „Пугачевцы“.³¹⁾

Ряд лиц, привлеченных по т. наз. процессу 50-ти за пропаганду среди рабочих в 1875 г. в Москве, Иваново-Вознесенске, был изобличен в распространении брошюр о Разине и Пугачеве.³²⁾ У двух обвиняемых (Цвиленева и Кардашева) были найдены „фотографические карточки“ Пугачева (II, 278, 283). Некоторые из обвиняемых пользовались для пропаганды „Пугачевцами“ Салиаса (Агапов) и Костомаровским „Бунтом Стеньки Разина“ (Карташев). Один из главных обвиняемых — Джабадара — вспоминал впоследствии „имя Стеньки Разина“ с его шайкой отважных удалцов, вызывало в нас большую симпатию к себе“...

При аресте Батюшковой у нее были захвачены донской казак Захаров и Цвиленев, уже побывавший на Дону (II, 311). В бумагах Цвиленева оказалось письмо донца А. Емельянова к казаку Ив. П. Арехову (II, 281). Какой-то неизвестный (повидимому, с Дону) писал Цвиленеву: „Времена Пугачева прошли... Государственность успела подавить воинственные, кочевые инстинкты народа, одомашнить его“ (II, 328-329). Повидимому речь здесь шла о казаках.

В письме из тюрьмы один из заключенных беспокоился: „Вот что: поехал ли кто нибудь из наших в казачество, на Урал, в Казань и т. д. В Екатеринодар рекомендую следующих землемеров: Ив. Жукова, Гр. Рыбальченко, Ник. Соколова. Во Владикавказ — Атабегова, Афанасьева и Вертепова. Они — хорошие и, пожалуй, пропагандисты, если над ними поработать“ (II, 288). Выяснилось, что это писал Чикоидзе о своих бывших товарищах по школе кавказских межешцеков в Тифлисе. Таким образом, в планы Чикоидзе и его товарищей входила революционная работа среди казачества кубанского и терского.

В Кубанской Области после волнений в начале 60-х г. г., вызванных нежеланием Черноморцев выселяться за Кубань, было тихо. В 1871 г. по приказу III-го Отделения был послан на родину, в ст. Брюховецкую, кубанец П. Лисевичкий, слушатель Петровской Земледельческой Академии, член тайного кружка А. С. Пругавина. В 1871-72 г. г. в ст. Борсуковской жил видный революционер Ф. В. Волховский.

В 1873 г. появился у журнала „Вперед“ свой корреспондент с Кубани, отмечавший, что в этом году в Кубанской области „сотни тысяч украинских крестьян, ищущих поселения на свободных государственных землях, скитались без оседлости“, а войсковые земли (более 75 тыс. десятин) нарезали для пожалований офицерам. Это „ограбление земель у станиц для пожалования генералам и офицерам вызвало в мае 1883 г. протест станицы Полтавской. Она обложена войсками. Депутаты ее в остроге. В других станицах, — добавлял корреспондент, — готовы последовать примеру полтавцев“.³³⁾

По делу о революционной пропаганде в Империи был в 1874 г. арестован сотник Ив. Ант. Белоус, казак станицы Брюховецкой. В июне 1876 г. дело было прекращено.

В 1875 г. в той же станицы Брюховецкой арестован учитель Вас. М. Викторов по обвинению в хранении запрещенной литературы. Помянутый в письме Чикоидзе землемер Гр. Рыбальченко был обыскан в Екатеринодаре в 1875 г. В 1875 г. был арестован врач Ив. Мих. Рождественский, обвинявшийся в пропаганде среди железнодорожных рабочих на ст. Прохладная и Кубанская Владикавк. ж. дороги. Привлеченный к суду по делу 50-ти, Рождественский был оправдан.

Из Терских уроженцев можно отметить студента С.-Петерб. Земледельческого Института Ибрагима Шанаева, который в 1871 г. подвергся преследованию по студенческому делу, а в 1874 г. уже в качестве лесни-

³¹⁾ „Вперед“, т. V, ч. 2-я, с. 104 и 114.

³²⁾ „Госуд. преступл.“, т. II, с. 161, 165, 167, 186, 195, 212, 223, 225, 242, 283, 341, 392-395.

³³⁾ „Вперед“, т. I, с. 53.

чего, служа на родине в Терской области, принимал участие в пропаганде. Брат его Джантемир Шанаев, студент Новорос. университета, был привлечен по делу 50-ти в Одессе, в 1875 г., но в ноябре 1876 г. дело было прекращено.

В 1875 г. во Владикавказе подвергнут был обыску Гр. Атабеков, старший землемер управления межевою частью Терской области, упомянутый в письме Чикоидзе. К середине 70-х г. г. относятся два революционных кружка во Владикавказе, один, основанный осетинном Х. Тускаевым, окончившим Петровскую Академию; другой — Ардасьянова и Ададунова, окончивших курс С.-Петербургского Земледельческого Института.

Появившиеся на Северном Кавказе бродячие пропагандисты слышали иногда неожиданные ответы от терских казаков: — „Мы и Кубанцы — готовы хоть сейчас. Но мы знаем, что одни ничего не можем поделать. Вот хорошо было бы, если бы поднялся Дон и Урал. В особенности — Дон, тогда бы вся Русь за нами пошла... Главное Доном занимайтесь.“³⁴⁾

В сущности говоря, безвестный терский казак, дававший свой совет пропагандистам, был совершенно прав; не в том, что Кубань и Терек были готовы для революции, а в том, что главное внимание должно быть обращено на казачьи земли и, в особенности, на Дон и Урал. Но для пропаганды в казачьих краях недостаточно было поверхностного казакофильства и брошюрок о Разине и Пугачеве. Надо было знать, к кому и с чем обращаться. А для познания края и людей, особенно таких своеобразных, как Донская область и донское казачество, недостаточно было пройти мимоходом через область, а надо было в ней пожить.

Мысль о необходимости заменить пропаганду общих идей агитацией на почве интересов местных жителей пришла в голову наиболее умным и наблюдательным пропагандистам 1874-го года уже к концу лета. Так Д. А. Клеменц (он же „Бяха“ и „Яй-Богу“) гово-

³⁴⁾ „Вперед“, № 33, 15 мая 1876 г., 291.

рил, что „надо поселиться в деревне и устроить крепкую организацию“ (III, 77). Ободовская бранила пропагандистов за их „демократо-туристские странствования“, за то, что они „пропорхнули по Руси и нигде не пристроились“ (III, 255).

Нельзя сказать, чтобы пропагандисты, побывавшие на Дону, ничего не заметили. Ими были отмечены и недороды 1871 и 1872 г. г. и неурожай 1873 и 1874 г. г. в Миусском и Донецком округах (среди крестьян) и в чисто казачьих округах, а равно и в Ростовском уезде и Таганрогском градоначальстве. В июне 1873 г. писали „с тихого Дона“ в цюрихский журнал „Вперед“: „нет места в России, где бы промышленность была в таком тяжком положении... Хлебная торговля в последние 2 года по случаю неурожая пришла в совершенный упадок... Бедность нашего края благодаря отсутствию всякой заводской и фабричной промышленности крайняя, и в те годы, когда случается неурожай, населению буквально есть нечего... Прошлую зиму (1872-1873 г.) казаки продавали последний скот и, конечно, по крайне низким ценам“. То же писал корреспондент женевского „Работника“ 1875 г.³⁵⁾ Отсутствие помощи казакам со стороны правительства вызывало со стороны Лаврова ироническое замечание: „благодарите, благодарите, верные донцы!..“ Отсутствие это объяснялось уничтожением старого казачьего самоуправления и тяготой казачьей службы, не позволявшей казаку заняться каким либо видом промышленности. Ближайшее знакомство радикалов с историей казачьих краев должно было значительно расширить их взгляды на казачество, углубить их и дать им возможность подойти ближе к казаку. Это и произошло в ближайшие годы, когда были сделаны попытки основать „поселения“ радикалов в казачьих краях и использовать казачьи движения в интересах общероссийского революционного движения.

³⁵⁾ „Вперед“, т. I, часть 2, с. 71; т. II, ч. 2, с. 1, 24; т. III, ч. 2, с. 37-38; „Работник“ 1875, № 2 (февр.).

М. Бытыньский.

Певцы рождающегося утра.

Светлой памяти донского поэта Б. А. Кундрюцкова.

Еще ночь, но уже близится утро.

Недавно в тяжелых условиях изгнания, вдали от страстно любимых родных казачьих станиц и степей, в глубокой безысходной тоске по своей казачьей родине и в непоколебимой вере в возрождение Казачества, умер известный казак поэт Борис Александрович Кундрюцков.

Свежа еще дорогая для Казачества могила безвременно отошедшего в иной мир брата; свежи и остры еще печаль и боль от невознаградившей потери одного из вдохновеннейших и лучших передовых бойцов за Правду и Свободу казачьего народа; умолк навсегда по непостижимой воле судьбы вещей и глубоко проникновенный голос талантливого молодого поэта; затих навсегда громкий, могучий и огненный призыв к борьбе и к бою певца... Потеря для Казачества поистине тяжела и невозместима. И свежа еще эта потеря, и свежа еще дорогая могила, и свежи еще скорбь и боль от тяжелой потери...

Но пусть, пусть поработенное страдающее в пламенной тоске по свободе Казачество еще раз необходимо заглянет в глубину своих истерзанных, ноющих чувств, пусть безбоязненно и мужественно на краю свежей дорогой могилы бойца-поэта раскроет и заглянет в свои незаживающие раны. И... совершится чудо!.. Будет удвоенная, нестерпимая боль, будет усиленное, двойное палящее страдание, усилятся от сознания великих потерь скорбь, удвоится печаль и горе — и через бурю и горнило этого сверхчеловеческого страдания в казачью истерзанную душу войдет светлый луч неугасимой надежды и чистой мужественной радости. Ибо... Ибо из сумрака могилы встает перед очами ве-

рующих могучая, светлая тень Певца-Утешителя; ибо из темного мрака встает великий, озаренный вечностью образ Поэта-Бойца; ибо из вечного молчания льется громкая боевая песня и звучит неумолкаемый призывом огненное и вешее слово... Ибо то, что сказал Борис Кундрюцков, о чем мыслил, о чем мечтал, во что верил, что прочувствовал и предчувствовал поэт — бессмертно.

И бессмертно его жгучее живое слово, бессмертна глубокая проникновенная душа, бессмертен чистый вдохновенный и светлый образ того, кто ушел из долины скорби и плача в неизмеримые высоты со светлой и бодрой, призывной и освободительной песнью на устах.

В бессмертии нарождающегося утра Свободы бессмертный и веший Дух поэта слился уже с великим и могучим бессмертным Духом вступившего к жизни Казачества.

Борис Кундрюцков был вдохновенным, носителем этого живого и мощного Казачьего Духа, был он эмоционально и интеллектуально его отражением, художественно-инстинктивно был его выразителем.

Борис Кундрюцков есть воистину народным, национальным донским поэтом, баяном казачьей доли и казачьей свободы, певцом и пророком возрождающегося казачьего утра..

*

Ночь сменяется днем; предвестником дня есть рождающееся из ночи утро. Мы это знаем. Это закон, постигнутый нами в опыте. Но для нашего чувства являются неуловимыми самые моменты этих смен. Мы не чувствуем границ смен ночи, утра и дня. Но есть в природе существа с более тонким развитым инстинктом, смену времени определено чувствующие...

Вот над миром нависла ночь. Живые существа спят, объятые недвижностью, покоем; над всем тяготит тьма и холод неживого мрака. Ночь. Глубокая ночь. Тишина...

И вдруг ночной покой пронизывается резким криком птицы. Из глубины великой тишины раздается громкий голос, возвещающий рождение светлого и шумного утра. Поет петух. Скоро будет солнце. Из недр холодного недвижного мрака несется вещая радостная весть. Ночь — на переломе. Еще тьма, но уже близится свет; еще ночь, но уже рождается утро. Все живое еще спит, но вещая птица, чувствующая своим инстинктом бег времени, уже оглашает смену...

Так и в жизни народов. Тяготит ли над жизнью и судьбою их мрачная, суровая ночь, ночь тяжелых невзгод и убийственной неволи, скована ли их энергия и живые силы опеченением сна, бессилия и неподвижности — все равно эта ночь, этот мрак, эта отрофия сменены будут светом, шумом и кипучей творческой деятельностью следующего жизненного дня. Пусть пока временно над тем или иным народом, впадшем в несчастье, царит беспросветная тьма, тяжелая ночь, но все равно по общему закону эволюционного течения жизни будут те ночь и тьма побеждены живительным лучом солнечного дня, предвестником которого является рождающееся из самой ночи золотое утро. И чем глубже ночь, тем ближе она к своему перелому; чем непрогляднее тьма, тем ближе к рассвету; чем тяжелее неволя, тем ближе к возрождению и свободе; чем несноснее гнет, тем скорее может быть вызвано напряжение энергии и внутренних деятельных сил народа... Чем глубже ночь, тем ближе к утру, ибо каждая ночь оканчивается утром — вестником дня.

Кто же возвещает народам, что оканчивается их ночь и близится их утро? Чей могучий голос, как песнь вещей птицы, оглашает народам рождение их светлого утра?

Таковыми вещими пророками, глубоко инстинктивно чувствующими бег жизни и смену времен эпох наделила природа и человеческий мир. Область этого предчувствия — искусство, а вещими предстателями его являются служители искусства, вдохновенно и проникновенно чувствующие художники, а из среды их впереди всех идущие в этом смысле народные трубадуры, национальные певцы, талантливые и гениальные поэты.

Искусство всегда шло и идет впереди знания и науки. Конечно, есть искусство и искусство. Мы здесь не говорим о том искусстве, которое Шиллер назвал лишь досужей игрой, о искусстве, выражающемся в бесцельном излучении известной накопившейся человеческой энергии, о том искусстве, которое, будучи замкнуто само в себе (искусство для искусства), ищет разрешенья лишь своих собственных специфических задач, не связанных с общими, более глубокими исканиями и течениями жизни; такое искусство плавает лишь на поверхности жизни и бессильно отобразить в себе всю ее тяжеловесную и кипящую глубину. Мы в данном случае имеем в виду то великое и глубоко-проникновенное искусство, которое своими корнями проникает во всю гущу жизни, касается ее сокровеннейших сил и течений и служит не только отображением и выражением самой жизни, но и проявлением и открытием сокровенных и незримых ее тайн. Такое искусство, основанное на действии глубочайшей и тончайшей человеческой силы — инстинкта, способно проникать во всю суть совершающихся жизненных явлений, предчувствовать и открывать их новые горизонты и формы, пророчески вещать течение и смену грядущих эпох.

В таком искусстве, как в призме, преломляются судьбы народов; это искусство и само способно в наибольшей степени влиять на долю народов.

Великая сила этого искусства проявляется особенно в поэзии. Проникновенные служители ее, вдохновенные поэты, вникая своим тонким чутьем в жизненные законы, очень часто являются певцами и верными вещателями судеб народов, особенно на переломе исторических эпох.

У народов поработанных появление и голос таких певцов всегда служит предвестником близкого конца ночи и нового возрождения утра.

Голос вдохновенных свыше поэтов особенно могуч, вещей силой звучит он в тяжелые времена великих исторических потрясений, во времена напряжения народных сил, борьбы, всеобщей тоски и страданий во тьме неволи, во времена страстных чаяний света и свободы. Поэты, проникая своим глубоким инстинктом возникающие непреодолимые народные силы, непрестанно трубят тревогу, собирают и закаляют массовую мощь, призывают к предстоящему бою и вещают радость победы и славы. Становится тогда поэт сам бойцом, идет с призывом и пророчеством впереди организующихся боевых сил и среди ночи к светлым лучам утра ведет за собой железные когорты своего народа. Поэт-воин, певец-герой ведет через тьму ночи и борьбу новых героев-бойцов, и потому призывная песня его — героическая. Не серебрянный звук лиры, не нежные тона флейты слышатся тогда в ней, а грозный и суровым звоном мечей и тяжелым шумом щитов льется она.

Уже древние воинственные римляне говорили, что молчат тогда музы, когда говорят мечи (оружие). Вернее было бы сказать, что во время войны музы бросают лиры и берутся за мечи, ибо поэзия во время великих исторических сдвигов и борьбы народов не только не умолкает, а наоборот, звучит, хотя и в новых тонах, но еще более могучей и действительной силой. Музы новыми инструментами рождают новую песнь — героическую, отмеченную новой пленительной, целесообразной красотой, проникающей в глубь человеческого духа, пробуждающую в нем могучие активные, плодотворные силы, создающие судьбы народов.

Во время народных сдвигов, потрясений, борьбы и крайней опасности, героем является не только тот, кто физически на поле брани выступает в лоб врага, но и тот, кто в специфическом для него направлении истощает все свои силы для достижения общей цели — спасения и победы. В среде таких первое место принадлежит героям-поэтам, творцам великой героической поэзии, вдохновительницы народов на пути их возрождения, могущества и славы.

История человечества полна глубокомысленных поучительных примеров такого славного и гордого героизма воинов-певцов, песнями своими вещавших и создававших могущество и славу своих народов. От древнейшего греческого поэта Тиртея, патриарха героической поэзии, обусловившего своими воинственными элементами славу и победу Спарты над Мессеной, от времен певца Симонида, своими воинственными песнями и эпиграфами предрекшего и упрочившего мощь и славу афинян, в полной мужественной, свежей и действенной силе звучит в мире среди полнокровных народов героическая песнь и до сего дня; и будет звучать, как один из величайших стимулов в общем течении жизни вперед... И будет постоянно возрождать и освежать силы народов, призывать их к борьбе за лучшее будущее, двигать их на борьбу со злом, рабством, смертью, будет звать их из мрака ночи на встречу светлему утру — жизни.

Таково великое значение и животворное влияние могучей, бодрой и возбуждающей боевой героической песни на жизнь и судьбы народов и мира.

Особенно же ярко и выпукло пробивается это значение и влияние поэтической героики в судьбе и жизни поработанных народов. В мощном своем существе будирующего, возбуждающего к борьбе и жизни начала такая героическая песнь носит в себе и сильный вещий элемент пророчества рождающегося во тьме света-освобождения. Из песни чистой борьбы у подневольных народов превращается она в песню героико-пророческую, песню героико-освободительную. Во тьме тяжелой неволи звучит страстная призывная песнь, как сигнал, как светлая вестница конца убийственной ночи и близкого, зарождающегося утра свободы.

Ибо, как в обыкновенном течении времени ночь сменяется днем, так и в великом, многовечном времени народов ночь неволи, гнета и страданий сменяется днем свободы.

И воины-поэты во время ночи неволи, из мрака тяжелых испытаний народа всегда первые проникновенно предчувствуют перелом эпохи и вещей песнью своей оглашают восход солнца...

И песня их — неумолкаема и непобедима, ибо в ней вся полнота великих чувств, вся страсть призыва и борьбы, вся глубина святой тоски по свободе и правде, вся непреодолимая вера в победу, вся сила светлых надежд... В ней, в той песне, вся пленительная красота и суггестивная мощь былого славного прошлого народа и огненное пророчество в откровении его наступающего будущего...

Слух всех народов всех времен на изломах и перекатах их исторической жизни зачаровывался всегда могучими звуками жизненной боевой героической песни; душа всех наций в минуты испытаний и тяжелой борьбы благотворно наполнялась ее живительной силой...

У каждой жизнеспособной нации, у каждого полнокровного народа на переломе его исторических эпох появились талантливые неотразимые силой своего огненного слова певцы народной доли; они тонко почувствовали скрытые от ока и ума ход и пути народных исторических путей, предчувствовали смену форм новой жизни своего отечества, призывали и подготовляли соотечественников к принятию и исполнению новых жизненных задач и целей, организовывали и закаляли твердую несокрушимость духа народных масс.

Были эти певцы провозвестниками нового утра в истории народов...

Наиболее характерной и определенной представляется героическая и вещь-освободительная поэзия тех славянских народов, которые во времена тяжелых народных испытаний во мраке тягостной неволи выдвинули гениальных певцов мировой славы, — истинных пророков их освобождения. Великие чешские поэты Врхлицкий и Святополк Чех (Vaclav z Michalovyc, Adamite) воспевали громкую былую историческую славу старого чешского королевства и блестящую богатырскую эпоху гуситского движения. В их песнях, обращенных к прошлому вместе с тем звучит призыв к возобновлению былой мощи и славы и чувствуется пророчество возрождения.

Еще большее значение для пробуждения национального чешского самосознания, народной гордости и воли к борьбе имели гениальные вожди чешского духа Коллар и Гавличек-Боровский.

Романтик Коллар в своей замечательной поэме „Дочь Славы“ (Slavy Dcera), в которой символически представил славянство, первый, можно сказать, всколыхнул массовое народное сознание чехов и словаков и открыто поставил перед ними новую задачу борьбы за историческое право и возобновление старой славы, как аванпоста славянства в среде немецкого засилья.

Карель Гавличек-Боровский, великий чешский публицист и поэт, в целом ряде своих критических и сатирических произведений обозначил для чехов реальную линию политической борьбы с немецко-австрийским господством и отчетливо начертал те национальные идеалы, которые впоследствии стали священным заветом для целого ряда чешских поколений.

Литературные произведения Коллара, Гавличка, а позднее Св. Чеха и Врхлицкого будили живой отклик в душе чешского народа, возбуждали его сознание и закаляли упорством и мужеством его активную духовную силу.

Так точно певцами тяжелой доли польского народа под игом московским и вестниками борьбы и свободы были великие польские поэты Мицкевич и Словацкий — певцы-изгнанники, после неудачного восстания своего народа — творившие свои, вдохновленные тоской по отчизне и свободе произведения на чужбине, но огненным духом своим через эти произведения напоившие, оживившие целые поколения.

Адам Мицкевич был страстным певцом славного идеализированного исторического прошлого своего народа (Dziady. Pan Tadeusz) и могучим вещателем освободительных заветов (Ksęgi narodu polskiego), требовавшим для угнетенной Польши максимума напряженных сил и крайних жертв до самозабвения от каждого ее сына (Konrad Wallenrod).

Юлий Словацкий почти Дантовскими образами нарисовал мрачную картину ужасных страданий борцов за свободу Польши в недрах российского сибирского ада (Anelli) и вылил всю силу жгучей ненависти к

угнетателю из своей молодой, чуткой к праву и правде души. Эта великая, почти мистическая, любовь к отчизне и огненная ненависть к ее палачам живительным палящим током вливалась в души его томящихся в рабстве собратьев и закаляла к борьбе целые поколения.

Не менее талантливым, вдохновившим свой народ живым словом к борьбе, активному действию и к светлым чаяниям был и мощный вестник свободы польский поэт Стан. Выспанский.

Эти польские поэты во главе целой железной когорты других таких же певцов, вещателей польского освобождения, духом своим царили в душе своей нации, огненной силой своей питали ее чувство, ее волю, ее живую неиссякаемую страсть к своей правде и свободе. Освобожденная теперь Польша есть делом рук не только ее войнов и политиков, но в первую очередь гнорением великих ее пророков-певцов, сформировавших ее дух, вещавших нации ее утро.

Такой же яркий пример неотразимого мощного влияния на свой народ живого и огненного слова певца освобождения находим и в страстной, жаждущей правды и воли литературе украинской нации. Имена украинских поэтов Тараса Шевченка и Ивана Франка стали для украинского народа синонимами борьбы за свои Право, Свободу и Державу. Их бессмертное, напоенное любовью к Украине слово, стало неумолкаемым призывом, громко звенящим лозунгом, могучим стимулом напряжения живой силы нации. Под пленительные, суггестивные звуки этого вещего слова, под страстную, мужественную призывную гармонию освободительных пророческих песен своих великанов-поэтов пробуждались, воспитывались, закалялись духом, укреплялись верой и надеждой, преисполнялись любовью к страдающей родине и ненавистью к ее гробокопателям-палачам широкие массы украинского народа на протяжении нескольких поколений.

И во время недавней освободительной борьбы Украины над ее бойцами витал вдохновенный дух страстного певца свободы Шевченка наравне с могучим духом ее государственных вождей Хмельницкого и Мазепы.

Тарас Шевченко возобновил в своих творениях прекрасный образ боевой мощи и славы прошлого Украины во время расцвета казачества и силы Гетманов (Чигирин. Иван Підкова. Тарасова ніч. Гайдамаки). Шевченко живыми красками нарисовал образ страдающей под игом царской московской деспотии закрепощенной Украины (Сон и мн. др.). Великой, мужественной и святой ненавистью он напоил свое слово, обращенное к поработителям (Кавказ. Великий льох); великой песнью-призывом он дал народу заповеди борьбы и свободы и вдохновенным словом предсказал его освобождение.

Пророчество Шевченка исполняется: украинский народ уже осознал себя, формирует свой национальный дух и во всей своей мощи поднимается на борьбу за волю.

Иван Франко в художественном, выпуклом образе страдающего, непонятого своим народом вождя, пророка-мессии (Моисей) бичует духовное рабство, недостаток веры и воли в темном сознании масс и рисует идеал наполненного любовью и самоотвержением борца. Большая часть его иных произведений звучит революционным горячим призывом к труду, к борьбе, мужеству и стойкости на пути достижения наивысшего идеала — свободы (Каменярі. Вічний революціонер).

К этим украинским певцам освобождения и золотого утра народа надо бы прибавить великую поэтессу Лесю Украинку, воспевшую волю и мужество героев всякой освободительной борьбы. Лесья Украинка, как и ее гениальные предшественники, стала вдохновительницей современного молодого украинского поколения, закаляющего в себе решительность и силу к предстоящей борьбе.

Новая послереволюционная украинская поэзия, особенно в эмиграции, преисполнена таких же мужественных героических мотивов, звучит несомлаемым призывом к борьбе и свободе и всей своей вдохновенной силой вещает скорый конец ночи неволи и возрождение утра.

Умер Кундрючков. Не стало талантливого казачьего поэта. Казачество потеряло своего невозместимого певца его освобождения... Свежа еще могила, и жива еще боль казачьей души над нею... Но в этой боли рождается высшее сознание бессмертия плодотворной жизни. Нет. Не умер поэт Кундрючков. Не может умереть тот, кто пророчески пел о возрождении. Песнь, звучащая во тьме неволи, слово, призывающее к борьбе и провозвещающее утро свободы — бессмертны.

А поэт Б. А. Кундрючков был воистину певцом казачьей свободы и казачьего возрождающегося утра. Тонкой и пламенной душой, могучим сверхчеловеческим инстинктом он чувствовал грядущие судьбы своего народа и огненным словом, полным любви и веры, провозгласил его наступающий день.

Певец свободы бессмертен, ибо бессмертна песня его.

Во многих казачьих душах у многих поколений неумолчным мощным звоном будет звучать она и возбудят отвагу и силу новых героев.

Сам певец-герой, Б. А. Кундрючков в своих песнях дал заповеди борьбы и героических подвигов для своих собратьев.

Песнь Кундрючкова родилась и зазвучала в неволе. Но мы уже знаем на примерах исторической жизни иных поработанных народов, это как раз и есть верный знак приближающегося утра, как голос петуха ночью есть знаком конца ночи.

Кто не знал неволи, тот не сможет оценивать всех благ свободы. Поэтому такая тоска по ней, поэтому такая страсть, поэтому такое пророческое предчувствие ее у тех, кто поет о поправной Правде и Воле, о Радости и Солнце среди ночи.

И когда среди страждущих народов появляются такие певцы — верный это знак, что уже близко их возрождение.

Пусть над свежей могилой своего поэта Казачество глянет на целый сонм певцов о свободе среди иных народов, пусть в их светлой толпе узнает уже и бессмертный дорогой лик родного певца и осознает и поверит в свое грядущее утро. И пусть не будет уныния и горя над могилой поэта. Пусть сияет светлая радость ожидания.

Ибо, хотя еще ночь, но уже близится утро...

Рождается казачье утро. Воспрянуло Казачество от сна. Открытым недремлющим оком оглядывается ныне оно во тьме своей неволи вокруг себя; проснувшись, познает само себя и смело и мужественно, с непоколебимой верой, глядит в свое будущее, в свое завтра — туда, откуда вскоре блеснут непобедимые лучи светлого утра.

Рождается Казачество. Просыпается великий народ. Пропела уже предутренняя вещая птица — зазвучала громко и победно новая, бодрая, мужественная и боевая родная казачья литература.

В лоне этого великого казачьего национального достоинства — новорожденной литературы, Б. А. Кундрючков был одним из первых верных и вдохновенных герольдов. Он пел о казачьем ясном дне; он пел в близкое время его утра; он призывал на исходе ночи к борьбе и дерзновенью:

Казачество, сочти свои ряды!
На черном небе гаснет звезд горенье,
Свет близок, за окном — конец ночной беды,
Приблизилась пора борьбы и дерзавенья...

Могучий и пророческий завет поэта. Пусть же будет он живым, неумолчным и активным в сердцах и душах всего Казачества. И пусть это будет наилучшим и наиболее долговечным памятником на могиле поэта.

Книгочий.

Ф. Д. Крюков и его творчество в годы войны и революции.

(Окончание).

VI.

Бурную зиму 1917-18 года Крюков провел в своей Глазуновской станице. О том, как прошла эта зима в его родной станице и что он вместе с ней пережил, писатель рассказал в очерках „В углу“, печатавшихся в апрельских и майских номерах московской газеты „Свобода России“, как стали называться „Русские Ведомости“ после запрещения их большевицкой властью, в начале (до 6 июля 1918 г.) еще кое как терпевшей независимую печать.

В самом начале этих очерков Ф. Крюков дает интересную характеристику самих себя, какую прежде давали себе его одностаничники:

„Когда-то, и не очень даже давно, — люди, среди которых я сейчас живу, говорили о себе так:

— Мы какие народы? Степные мы народы, безграмотные... навоз в человеческой шкуре... Живем — быкам хвосты крутим, как жуки в земле копаемся, — где нам с другими народами равняться? Китайцы и то вот свою династию двинули, а мы ни о чем таком нисколько не понимаем. Наша жизнь — в одном: Казак работает на быка, бык на казака, и оба они — два дурака.

Может быть, в этом наружном самоуничижении было больше наивного лукавства, чем искренности, но характеристика бытового круга была близка к истине: люди были непритязательные, смиренные, трудолюбивые, в меру зажиточные.“ („Свобода России“, 16(3) апреля 1918).

В станице Глазуновской преобладала „выжидательная“ тактика: „В Азербейджане один перс на мой вопрос — по душам — на какую сторону станет Персия в войне России с Турцией, подумав, ответил: — Какой чашка весов будет самый чижолый, на тот и сядем...

Вот это выжидательное посматривание на стрелку весов бессознательно-прочно усвоено в политической практике и моими станичниками“.

Несмотря на эту тактику на выборах в Учредительное Собрание Глазуновцы отдали голоса за казачий, во главе с Калединым список. Но такой исход голосования не окрылил Крюкова радужными надеждами. Он весьма сдержанно оценивает успех казачьего списка:

„Трудно сказать, какие упования возлагали мои сограждане на казачий список. Имена, значившиеся в нем не были определено и резкопартийными именами. Объединялись они между прочим, повидимому, одной задачей, в успешное решение которой не очень твердо верилось — отстоять народно-групповую самобытность Казачества и его старый во-истину демократический уклад. Боязнь потерять свое лицо, раствориться без следа в надвигающемся новом общественном строе инстинктивно ощущалась и рядовым казачеством, особенно стариками“.

Разительным контрастом постыдному равнодушию глазуновцев было резко-антибольшевицкое настроение низового Дона:

„Юг Дона, — „низовые“ казаки, сохранившие еще кое-какие остатки боевых традиций, не были так постыдно-равнодушны к участи родного края, к собственной судьбе — былая гордость, воспоминания казачьего прошлого еще не угасли в них. Но „верхние“ станицы, район Медведицы и Хопра, без размышления, без думы роковой решили принять всякого пришельца с палкой, как покорителя, и подчиниться ему без особых возражений. Был, конечно, страх перед большевиками, Бог вест, что за люди, — но с некоторым упованием поджидали возвращения казачьих частей с фронта: в обиду, мол, не дадут. Фронтвики рисова-

лись силой организованной и угрозой для злоумышленников. Фронтоников ждали...

Фронтоников пришли". („Свобода России", 16(3) апр. 1918).

„В морозный день перед Рождеством, когда станичники копошились как муравьи над рубкой и возкой делян в лесу, в станицу вошла на рысях сотня казачьего полка, за ней — другая и третья, потом пулеметная команда, команда связи, обозы. И сразу тихая, мирная жизнь нашего угла наполнилась гамом и бесположной суетой. Фронтоников сразу дали понять, что ни атаман, ни какое-либо другое начальство им не указ. Рассыпались по улицам, пошли по дворам и стали выбирать себе дома под постройку по собственному вкусу и соображению. Гости служивенькие распорядились, как разнузданная солдатская ватага распорядится в завоеванном городе и мы сразу извели сладость бытия покоренных.

Обиднее всего было то, что это были свои, не чужие, наши же дети, казаки нашей и соседней станиц, которых мы любовно снаряжали на защиту родины, благословляли, провожали со слезами — от которых приходили к нам такие простые, трогательные, сердечные письма. Что преобразило до неузнаваемости эту молодежь, сделало их чужими, вызывающе грубыми, наглými, отталкивающими? Откуда этот разбойничий облик, упоение сквернословием, щегольство оскорбительным отношением к старикам и женщинам". („Св. России", 17(4) апр.).

Между фронтониками и стариками происходят частые конфликты, во время которых фронтоников усердно распинают за большевиков:

„Большевики? Первые люди! — поучительно проговорил казак с заячьей губой... Буржуй ты, вот что! шмурыгая носом, сказал казак с заячьей губой. Другой, в прыщах, прибавил:

— Приспешник Каледина!"

„Когда пожилы несколько вместе, слегка присмотрелись друг к другу, увидели, что есть и среди них, этих попугаев, повторявших чужие слова, совестливые люди, чувствовавшие всю горечь и стыд неудержимого развала".

„Фронтоник самоуверенно повторял и ту беззастенчивую клевету-травлю, которой насыщены были листки о Каледине и войсковом правительстве. Но разнузданность мыслей, слов и дел была слишком очевидна и слишком возмущала простые, незараженные души дикостью и несообразностью с простой правдой и трезвой, веками налаженной обыденностью.

— Душа болит! — горестно делились со мной старые приятели в дубленых тулупах: фулинганы как-то... Разбойничья шайка, как есть... Никаких у них других слов, как „убить, убить, убить"... А приди сюда человек с десятком партизанов, — попрятчутся все, как черти в рукомайнике...

Фронтоников обманули". („Свобода России", 17(4) апреля 1918).

В мае месяце 1918 года. „В западной части Усть-Медведицкого округа вспыхнуло восстание. Ф. Крюков был в своей Глазуновской. Из слободы Михайловки приехал броневик с свирепым, звероподобным матросом: арестовать и доставить в Михайловку Крюкова.

Не найдя его дома и пригрозив расстрелять всех его родных, матрос обстрелял из пулемета дом, объявил награду в 10 рублей для взрослого и 3 руб. для детей, за указание места спрятавшегося Крюкова, приказав собравшейся толпе разыскать его. И через несколько минут он получил сведения от одного негодяя и тупого мальченка, получивших от матроса 3 рубля и 1 рубль наградных.

В момент своего отъезда Крюков обратил внимание на комок детворы, возившейся в пыли на дороге недалеко от броневика. Это казачата били маленького „Иуду предателя".

Вспоминая это, Крюков говорил: — „Не мог я не рассмеяться, и после этого так легко стало на душе, хотя был глубоко убежден, что дорогой буду расстрелян".

Из Михайловки его ночью освободил один из большевических военначальников, казак, устроив ему побег". (П. Скачков: Из жизни Крюкова. „Казачьи Думы", 9 марта 1922).

VII.

Автор только что приведенного отрывка воспоминаний предполагает, что известное стихотворение в прозе „Родимый Край", написано Крюковым именно под непосредственным впечатлением майского ареста.

После побега из большевического плена Крюков, повидному, принимает деятельное участие в противобольшевическом восстании. В юбилейном номере „Донской Волны" автор одной статьи пишет что Крюков потом принимает участие в организации восстания в округе против большевиков и, кажется, участвует и в самом восстании.

Он не любит рассказывать о своей деятельности, но один раз в разговоре со мною у него вырвалась такая усмешка:

— Вот пришлось собою и генерала на белом коне изобразить... (С. Арефин — „Ф. Д. Крюков как политик". „Д. В.", 1918, № 23).

Летом и осенью 1918 года Ф. Крюков был секретарем Большого Войскового Круга: Время от времени в донской печати появлялись его талантливой рукой написанные очерки о прениях в донском парламенте. Особенно интересны в изложении Крюкова речи двух донских самостийников „молодого, волнующегося калмыка Пукова" и другого, бравого атаманца", по имени не названного:

„Идите защищать Донскую землю, но не защищать царскую корону, не навязывать России когти царского орла, горячо говорит Пуков... Донские лампасы и наше казачество — вот что нам дорого и вот что соединило нас с Кругом Спасения. А теперь что вы слышите в руководящих рядах нашей прессы родной земли? Царь, царь, царь... Вот что „Восстанавливайте Россию и царскую власть". И через это получается среди нас трещина... Трещина дальше отразится по индукции на все население. Нет, господа члены Круга, корону наденет не казачья орлиная рука! И в орлиную руку не дать когти царского орла. Нам нужна только Донская земля и... воля казачья. На ваших концах казачьих штыков не несите царской короны."

Говорит другой фронтоник, brave атаманец.

— Я коснусь одному, г. г. члены: Россия? Конечно, держава была порядочная, а ныне произошла в низкость, — ну и пушай... у нас своих делов не мало, собственных... Наш царь — Дон... Этот есть гот хозяин, за которым мы пошли... А насчет России повременить... Пушай Круг идет к той намеченной цели, чтобы счастья родной край... пригребай к своему берегу... больше ничего не имею, господа"... („Войсковой Круг и Россия", — „Донская Волна", 1918, № 16, 30 сент.).

VIII.

Летом 1919 года Ф. Крюкову удалось побывать в родной станице, на короткое время отбитой от красных. Со слов родных Крюков ярко изображает интересный разговор двух большевических комиссаров, происходивший в доме Крюкова, где эти комиссары расположились на постой:

„Сказочно-чудесный, фантастический элемент чувствовался и самими новыми хозяевами и строителями. Комиссар Войхович, курчавый брюнет, уже на третий день после в'езда в станицу, после ревизии казацких сундуков нарядившийся в широкие шаровары с лампасами, смеясь спрашивал у товарищей:

— Абрам, что ты скажешь после этого? Можно было этому поверить месяц назад — Абрам Кацман в казацком... как это... беш... бешмоте! С казацкой нагайкой... шпоры... Абрам Кацман! Кацман!.. Это звучит гордо...

— Яша, иначе это не могло быть, с твердой убежденностью сказал тов. Кацман, юркий и развязный молодой человек с синим подбородком, ми должны были поить своих коней в волнах Дона... ми обязаны были быть среди казаков и... над казаками". („Донские Ве-

домости" 8(21) авг. 1919. — „После красных гостей“).

Осень 1919 года Крюков провел на фронте; для его творчества это пребывание принесло прекрасный очерк „Цветок Татарник“, в котором ярко изображена жизнь донской станицы под дождем разрывающихся неустанно шрапнелей:

„С утра дымят трубы станичных и хуторских куреней, запах кизяка и тыквы борется с чудесным запахом осеннего листопада, бабы выгоняют на улицы коров и телят, скрипит журавец над колодезем, на коромыслах босоногие девчата несут воду. Все как в тихие дни мира, благодатно ясные и скучные.

Но через час — другой над тем лужком, где бродят телята, начинают рваться снаряды, через станицу проходят войска — и иной раз трудно разобрать, свои это или красные. Изредка, как луч солнца в хмурый день, на миг судьба пошлет радость мимолетного свидания с кем нибудь из своих родненьких: у ворот заржег Бурый или Звездочка, — под'ехал Никишка из 28-го конного или сам отец — из первого сводного. Наскоро поедят арбузка, обменяются двумя тремя словцами, поплачут и — снова на коней.

И вот уже рвутся снаряды в гумнах, левадах, над самой станицей. Маленький Панкратка в куче неунывающих семилетних охотников за осколками мчится к местам разрывов и роется в свежих воронках и выбоинах, собирает в подол остро разорванные стальные гостинцы и свинцовые карточки. Встревоженный слышится голос матери:

— Панкратка, иди, супостат, в окопчик.

— С-час... — неохотно озывается издали детский голос, озабоченный и поглощенный спортивным увлечением.

Визжат снаряды, замирает сердце в томительном ожидании разрыва, черного столба дыма и пыли. Оглушительный гром всегда кажется таким близким и адским.

— Панкратка, сибирная душа! Кому говорю? — опять взывает испуганно-сердитый голос.

— Зараз!

— Шкуру спушу! Вот она, хворостина-то...

— Не хочу я в окопчик...

Панкратка хныкает, трет глаза кулачками, идет — заплетает ногой за ногу: хворостина все таки таит в себе силу какою то гипнотического внушения, и угроза ее неизмеримо реальнее, чем сверлящее жужжание трехдюймовой гранаты. — Не хочу я в окопчик, там лягухи сидят...

Рубашонка, накрахмаленная сладким арбузным соком и запудренная пылью родимой земли, похожа на кожаный фартук кузнеца. Ноги и руки как у арапа, и голые колени глядят в широкие амбразуры до конца изжитых штанишек. Все как всегда — буднично, точно и форменно... И как колючий, стойкий репей — татарник растет и закаляется в тревогах и невзгодах боевой жизни будущий защитник Дона — босоногий, оборванный Панкратка, предпочитающий сиденью в погребке с лягушками пыль станичной улицы под грохот канонады. Есть неожиданная и своеобразная прелесть в этом сочетании неистребимой жизненной энергии и близкого веяния смерти.

Необоримым цветком-татарником мысляю я и родное свое Казачество, не приникшее к пыли и праху

придорожному в безжизненном просторе распятой родины... („Цветок Татарник“, — „Донская Речь“, 12(25) ноября 1919).

Остановимся несколько пристальней над этим очерком: ведь „Цветок Татарник“ — последний предсмертный художественный очерк нашего автора. И нам кажется, нигде его мастерство, как художника, не было так тонко и так совершенно, как в этой его лебединой песне. Приведем еще два отрывка из „Цветка“:

„Мы проезжаем узкой улицей и вилочими хуторскими проулками, среди гумен, левад, садов и разбросанных дворов. Мой спутник и сверстник Макар Бобров, вырвавшийся в числе других моих станичников, от красных, ровным, спокойным голосом рассказывает о своих скитаниях по ту сторону баррикады. Впереди вьется пыль над нашими отходящими обозами, — противник отжимает нас назад. Выстрелы гремят позади нас, над родной нашей станицей.

Я лишь один денек успел провести в ней, поглядел руины сожженного и опустошенного родного гнезда, родные могилы. В душе — печаль. И вместе — ровное чувство спокойной убежденности, что этапов, определенных судьбой, ни пеш не обойдешь, ни конем не об'едешь...

Я гляжу на разрушенный снарядом старенький куренек, на обугленные развалины, — обидно, горько. Но нет отчаяния: пройдем через горнило жесткой науки, будем умней, союзней, и, может быть, лучше устроим жизнь.

Осенний день тих, тепел и хрустально-прозрачен. Выстрелы бухают гулко и четко, и все как будто прислушалось к ним. Только в перерывах раскатистого грохота в притаившейся тишине опустелого хутора где-то тихо-тихо звенит тонкий голосок, причитают по мертвому, — и тонким жалом жгучей тоски впивается в сердце монотонная мелодия“...

„Пестра и неожиданно разнообразна ныне в своих сочетаниях жизнь в родном моем краю — там, в северном углу Донской земли. От горьких причитаний, за сердце хватающих напевных жалоб осиротелой, до гларазоренной казачки, которой „есть нечего, жить не в чем“, до головокружительного танца бравого урядника перед разведкой, сулящей смерть, один только шаг. Даже и шагу нет. Рядом, плечем к плечу, живут оне — жгучие слезы тоски-кручины и отчаянное веселье обреченности“...

Заканчивая наши в силу эмигрантской неизбежности неполные и отрывочные заметки, мы не можем не привести в заключение нескольких строк — характеристики данной творчеству покойного Ф. Крюкова другим донским писателем, Романом Кумовым, тоже безвременно погибшем от тифа в 1919 г. за несколько месяцев перед смертью Крюкова. Кумов писал:

„Крюков — донской национальный писатель. Через него впервые наши казацкие мочежинки и полынные степи заговорили о том, чем они живы. И Крюков первый из донских художников слова начал писать о них, скромнейших, так, что в каждой строчке его стояло, как налитая полная капля: „я горжусь, что я сын этих мочежинок и пустынных степей“. Благородная гордость сына своей матерью-родиной. Нежнейшая привязанность сына к матери“. (Р. Кумов. „Донская Волна“, 1918, 18 ноября, № 23).

К сведению „русских казаков“.

Несколько слов из „политического отдела“ 101—102 номера „Часового“:

1. *Что думают русские люди в Сов. России о русской эмиграции:* ... „Единомыслия у нас (т. е. у русских в России) с вами (т. е. с эмигрантами) пока не наметилось. Вы грешите избытком приверженности к прошлому. Мы... все это изжили. Поэтому сговориться нам принципиально трудно. Мы благодарны вам за желание освободить нас от нынешнего ига. Но все то, что вы (русская эмиграция) предлагаете — при том туманно и неопределенно — нежизненно и неосуществимо, и не соответствует тамошним возможностям и пожеланиям“... (стр. 17).

2. *О росте сепаратизма:* ... „При малейшем потрясении может наступить хаос. И тогда возможен развал, распыление России и новые гражданские войны. Сколько у нас народилось сепаратизмов и укрепилось национальностей“... (стр. 19).

Думы и мысли.

Что нам делать?

Недавно все болгарские газеты протрубили об общем македонском съезде, происшедшем в местечке Горна Джумая, где произошло примирение враждующих партий. Невольно встает перед нами и наш казачий вопрос. Македонцы говорят: „Самое ценное наше оружие — наш энтузиазм и наша смелость к достижению поставленных священных задач“. Не те же ли мысли должны проводить и мы? Ведь всех нас, казаков, живущих в зарубежье, поддерживает только любовь к родным землям с испокон веков утановившимися казачьим бытом — традициями. И больше всего нас интересует вопрос, скоро ли падет ненавистная нам власть Москвы, отделяющая нас от близких и родных; когда мы сможем вернуться снова к себе в станицы — хутора? Чтобы хотя приблизительно ответить на это, нам надо дать ответ, что сделали мы для достижения этого...

Всем известен московский террор в Казачьих Землях, где гибнут лучшие сыны Казачества. Сколько героев погибло за свое право в период большевизской войны? Сколько сослано теперь в Сибирь? Соловки? А сколько мученически погибло казаков в застенках Чека и ГПУ? Кровью героев обгадилась наша земля, которая вопиет о мести. Плач, плач женщин и детей слышен с родных земель. Слышим ли мы его и что думаем делать? А что ожидает нашу родину в ближайшем будущем? Черные крылья голода и террора, несущих смерть миллионам, отбрасывают тень на ее многострадальный лик. Увы! Эта чаша ее не минует при нашей пассивности. Подходит самый страшный девятый вал! Ярким показателем этого служит последнее кубанское восстание и зверская расправа над побежденными...

Трагичность нашего положения исключительная. Нет у нас общей идеи, нет общего начала, которое соединило бы казаков в одну целую компактную массу, сильную единством мысли и воли. Русская эмиграция боится потерять своих верных слуг „казачков“. Во избежание этого, она стремится раз'единить казачество, которое само способствует этому раз'единению. Так, уже всем известны: казаки-националисты или как их иначе называют — самостийники; казаки Р. О. В. С. — единонедельницы и казаки „батьюшки-царя — Кирилла“. Брошенное за борг своего отечества, казачество вертится в погоне за куском хлеба, за лучшими жизненными позициями, переходя от полуголодного существования к любому, чаще всего к тяжелому физическому труду. И в результате — падение интереса ко всему. В редких случаях глухая тоска по родине и смутная надежда на кого-то и что-то. Не надо нам уподобляться ребенку, который ждет, что вот, вот придет отец и вытаскивает его из засосавшей его тины. Не надо ждать и Наполеона, который свалит ненавистное иго. Каждый казак должен стать Наполеоном! Казачка — Жанною Д'Арк! Своим пассивным молчанием мы вряд-ли дождемся удовлетворительного для нас конца.

Давайте бросим взгляд на настоящее и посмотрим, что делают русские над измученным Казачеством? Там, на родине, они сотнями избивают и тысячами ссылают в чужие и трудные для жительства по климату края. Здесь, за границей, стараются распылить, раз'единить нас, чтоб Казачество не представляло собою силу внушительную, независимую от России, какой бы окраски она не была.

Как ни странно, но каждый из нас, после 12 лет прозябаний в эмиграции, задаст себе невольный вопрос: „А где же наши прославленные в боях военначальники?“ и еще хуже — „А где батьки-атаманы?“ В таких случаях запорожцы отвечали: такой-то — убит... С такого-то — шкуру содрали... Такого-то тоже в живых нет... Но не было случая в истории Казачества, чтобы батьки-атаманы, взгромоздившись на чучалы Войсковой казны и скарба, просидели бы 12 долгих, мучительных для нас лет и не отозвались бы на плач измученного Казачества... „Слышишь-ли батько?“ воскликнул Остап во время казни. „Слышу, сынку, слышу!“ Был ответ Тарасов из толпы. А слышим ли мы, это

„слышу“? Пусть каждый казак сам себе ответит на это.

Ждет чего то Казачество. А чего ждет — кто знает? Не слышно клича есаула по войску... Не видно и атамана... Так что же нам делать? Давайте как лучше подумаем глубоко над этим вопросом. Прежде всего нам надо проснуться и отряхнуться после своей долгой спячки. Разбудить деятельность. Не останавливать своего национального, священного движения, как бы не ныло и не болело тело от повседневного труда. Долг каждого вечно помнить свою родину; не продавать казачество за чечевичную похлебку. Отцы должны учить детей все время казачьей истории. Воспитывать их в казачьем духе. Прививать казачьи традиции. И одновременно с этим нам надо наметить планы священной войны.

Залогом победы над всем злом, которое висит над нашей родиной и над нашими головами, может быть только единение и жертва. Если бы даже потребовалось принести в жертву не только свое благосостояние, но и жизнь. Труден путь Казачества, но забыть не слышать слез и сгноев порабожденных, значит предать Казачество — совершить тяжкое преступление над ним. И нет оправдания такому преступлению. Не надо бояться огромности и трудности задачи.

Одновременно надо подготавливать и достойных сынов Казачества в лице подрастающего поколения, на которое падает не малая задача по устройству нашей Родины. Молодежь ведь мало знает, что из себя представляет Казачество. Ее нужно заставить познать и полюбить его. В ней надо зажечь национальную гордость, ей надо нарисовать исторические картины на протяжении всего прошлого Казачества с его нравами, обычаями. Мы отвыкли бороться и стали ждать „чуда“. Но его можно ждать только в том случае, когда мы в борьбе к достижению намеченной цели употребляем со своей стороны все наши способности, все возможные усилия и средства. Будем, конечно, верить, что возрождение казачих краев изменит наше положение, но не будем обманывать себя излишними иллюзиями, чтобы не оказаться после в том-же положении, в каком мы очутились за границей.

Жизнь требует сейчас большого напряжения. Каждый кует свое будущее, но отдельные малые усилия, слившись дают крупное течение, которое иногда способно направить это будущее по желанному руслу.

Надо побороть в себе кажущуюся неспособность к борьбе, потому что начала борьбы заложены природой в каждом из нас. Надо перейти только к борьбе активной и поддержать эту активность. Ведь, бури, бури ожидают нас с востока в недалеком будущем. А мы к ним не готовы... И так в 1917 году, оставшись без вожда, мы нашли его, так давайте же и теперь искать себе казачьего вожда, который до наступления бури поведет нас творить священное казачье дело. Не надо откладывать этого в долгий ящик, т. к. промедление времени смерти безвозвратной подобно. А с нашей медлительностью сколько гибнет лучших сынов Казачества каждый день в порабощенной родине!..

Слышишь ли батько? И где тебя искать — в какой стране заморской?

Услышим ли мы: „Слышу, сынку, слышу!“?

Казак В. В. Д. Антон Кошкин.

15 февраля 1933 года, Болгария.

Казакам в Америке.

Услыхала я, что казаки не довольны тем, что я написала о казаках в Клевеландских газетах. Да, казаки, нехорошо, что какая то Mrs написала, а не The cossacks. Вы же молчали и молчите. Посмотрите сейчас на евреев и коммунистов, что они делают и что о них пишут, протестуют и т. д. А вы что сделали, когда кубанцев тысячами выселяют в Сибирь? Одни — ходят по комнате, волосы на голове рвут, кулаками о стол стучат и, наконец, надумают ехать „туда“ и чем нибудь помочь, а им отвечают, что „мы одни это сделать бесильны“; другие говорят, что мы эмигранты и ничего

сделать не можем; третьи, что в газетах ничего не надо помещать и, наконец, четвертые предлагают отслужить молебен, но... „денег нет“.

В конце концов решили попросить всех, живущих в Америке казаков, помочь, кто чем может, и написали об этом в те города, где живут казаки. Получили ответ, „что сейчас безработица и денег нет“. Этим и завершилась попытка что-нибудь сделать.

Остается спросить: Какие же у вас сердца, кубанцы, если вы не смогли пожертвовать хотя бы десять центов?

Вы боитесь выступать в печати? Правда, в газете гребутся фотография и вы боитесь дать ее?

Недавно один из казаков сказал, что он никогда не согласится, чтобы его фотография была помещена

в газете. Он говорит, „что совсем не хочет, чтобы его какой-нибудь агент пришиб из-за угла“. Стыдно говорить это казаку, который шел под большевистскими пулями за Казачество, а теперь боится агента!

Еще хуже то, что это говорит не семейный казак, а холостой, у которого нет ни жены, ни детей, который свободно может располагать собой и жертвовать всем во имя Казачества.

Да если бы обстоятельства судили погибнуть за Казачество, то у вас нет жены и детей, которые плакали бы по вас, зато вольные казаки вспомнили бы вас всегда, как исполнившего долг перед Родиной.

Стыдно вам, казаки, живя в Америке, ничего не делать для Казачества.

М. Канарева.

Казачьи журналы на выставке славянской прессы в Праге.

22 апреля в помещении центральной библиотеки города Праги открылась выставка славянских иллюстрированных журналов, организованная „Объединением славянских женщин“ при участии Славянского Института и славянских архивов (библиотек) Министерства Иностранных Дел ЧСР. Выставлены журналы: чехословацкие, польские, югославянские, болгарские, русские, украинские и белорусские.

На этой выставке впервые выставлены и казачьи журналы в двух самостоятельных отделах: в одном выставлен журнал „В. К.“ и все наши издания за пять минувших лет; в другом собраны почти все остальные журналы или газеты, выходившие или выходящие в эмиграции: „Путь Казачества“, „Казачье Дело“, „Кубанский Край“, „Кавказский Казак“ и др.

Организацией самостоятельного отдела „ВК“ на выставке мы обязаны любезности инициатора и распорядителя выставки г. инспектора Эмери х а Чех а, за что и приносим ему на этом месте самую искреннюю благодарность.

На открытии выставки присутствовали представи-

тели всех славянских народов. Были представители от посольств: польского, югославянского и болгарского, представители чехословацких университетов, политические деятели, ученые и литераторы.

Открывая выставку, председательница Объединения лани Б. Смолажова-Чапкова подчеркнула, что основной задачей выставки является взаимное знакомство и сближение Славянства на основе культурного сотрудничества.

Далее говорили: болгарский посол г Панчо Дорев и представители польского и югославянского посольств в Праге.

В заключительном слове, г. инспектор Е. Чех обратил внимание присутствовавших на казачий отдел выставки, выделив особо „В. К.“ „До сего времени мы слишком мало знали о казаках, сказал он, между тем казачья литература, как оказывается, достаточно уже разрослась, а у нас здесь, в Праге, уже несколько лет издается казачий журнал „Вольное Казачество“, с которым стоит познакомиться“...

Казачья эмиграция.

Памяти Б. А. Кундрюцкова.

Милостивый Государь, господин Редактор!

Не откажите поместить на страницах журнала „В. К.“ следующее:

Со скорбью в душе выражаю свое глубокое соболезнование по поводу безвременной смерти нашего брата в.-казака Б. А. Кундрюцкова, который пять лет неутомимо боролся оружием духовного дара с врагами нашей родины Казаккии, отстаивая ее право на независимость.

Находясь в условиях ненависти и под постоянными ударами клеветы и поношений со стороны своих же казаков-братопродавцев, которым нет ни снисхождения, ни оправдания перед судом истории, он не только отражал их но и сам наносил удары изобличения, ведя свою благородную национальную работу.

Пять лет он боролся в первых рядах с врагами своей Родины, клялся отомстить за поруганную Отчизну и напрягал все силы для того, чтобы исчезла „прочь вражья сила с лица земли чужой, с таинственных курганов и холмов, из сердца Родины моей, со степи вольной и седой“. Но вдруг на пол-пути угасла его молодая жизнь. Умолкла лира... Но песни, недопетые им в чужом краю, мы сбережем и принесем на Родину.

Мир праху его!

П. Кудинов.

10-4-33 г. Болгария.

В Бухаресте.

I.

Панихида по Борису Кундрюцкове.

19-го марта по инициативе вольных казаков в Бухаресте была отслужена панихида по казачьем национальном поэте Б. А. Кундрюцкове.

Панихиду служил румынский священник в румынской церкви. На панихиде присутствовало 32 человека вольных казаков кроме их жен и детей. Все вольные казаки были в траурных повязках.

Из официальных лиц на панихиде присутствовали: представитель журнала „В. К.“ в Бухаресте С. Маргушин, представитель от Украинской Колонии полковник Пороховский и от Комитета Украинской Громады п. Пищенко и п. Яковенко.

После панихиды был скромный поминальный обед.

Большая распространенная и беспристрастная русская газета „Наша Речь“, выходящая в Бухаресте, бесплатно поместила траурное объявление о панихиде и посвятила даже небольшую статью вольным казакам „Из жизни „Вольных Казаков“ в Румынии“ (от 15 марта № 73).

II.

Вольные казаки на Украинско-Шевченковском вечере.

1-го апреля Украинская Колония в Бухаресте, по примеру прошлых лет, устроила традиционный вечер (Свято) памяти своего национального поэта Тараса Шевченко.

Вход был только по приглашению.

От станицы Вольных казаков (Национ. Сепар.) в Бухаресте в качестве приглашенных гостей присутствовало Правление Станицы.

Украинская Колония в Румынии сильна своею организованностью и связями с высшим румынским обществом. На вечере были выдающиеся румынские общественные деятели, парламентарии и представители прессы. Вместительная зала „Libertafeli“ была переполнена — присутствовало около 300 человек.

Соответствующие слова произнесли: Д-р В. Трепке и депутат И. Бачинский.

С большим чувством Д. Геродот прочел стихотворение Т. Шевченко — „Не завидуй“. Хор под управлением Ф. Шевченко прекрасно исполнил бессмертные: „Заповит“, „Бандуру“ и „Зозулю“. С большим успехом в концертном отделении участвовали г. г. Грозовская и Мошинская и г. г. Дмитриев и Рошко. Известный П. Лещенко лишней раз порадовал публику блестящим гопаком.

Вечер прошел в самой интимной и дружеской обстановке. Вольные казаки с их друзьями-союзниками украинцами живут в самых хороших отношениях.

(Соб. кор.)

В К а з а к и и.

По советским газетам.

Весенний сев.

Ростовский „М“ за конец марта и первую половину апреля полон исключительно „заботами“ о весеннем севе.

26 марта читаем: „Массовые поломки и остановки тракторов на полях Краснодарского и Кореновского районов — кулацкий удар по коротким срокам сева“... „Краснодарские коммунисты не чувствуют партийной ответственности за работу каждого трактора“...

Официально признается: „Несмотря на наличие всех условий для быстрого развертывания массового сева по большинству кубанских, терских и ряда восточных районов — разворот сева идет совершенно неудовлетворительно“...

28 марта „предписание“: „Пшеничные северные районы края на уроках предательства Славянского руководства обязаны научиться, опираясь на честных колхозников, ломать кулацкий саботаж в поле, на севе, на борозде“...

Там же из передовой: „...Что толку от ... разговоров, если на деле в кубанских районах отвратительно, преступно плохо используются благоприятные природные условия для развертывания массового сева“...

29 марта: „Нет никаких оправданий позорному руководству севом в Курганенском и Майкопском районах“...

„Темпы сева в (Майкопском) районе снижаются с каждым днем... Такие крупнейшие станицы, как Гиангинская, Келермеская, Кужорская, Ханская и Новосвободная; за последние дни совершенно прекратили пахоту и сев“...

„Сев колосовых в (Курганенском) районе развертывается недопустимо низкими темпами“...

Передовая „призывает“: „Добьем кулака и его агентуру“...

Неблагоприятно и в совхозах (крупные советские хозяйства). 30 марта из „постановления“ узнаем, что „все системы совхозов недопустимо медленно развертывают сев“...

„Брюховецкие коммунисты предоставили сев самотеку“...

2 апреля: „Пока Старо-Минские коммунисты выносят резолюции — кулак разваливает бригады, вредит на борозде“...

4 апреля: „Георгиевский район безобразно медлит с развертыванием сева“...

5 апреля: „В бригадах колхозов станицы Ивановской нет никакой заботы о качестве“...

6 апреля: „Майкопский район — кандидат на получение рогожного знамени позора. Крупнейшие станицы свернули сев... Позорная демобилизация Майкопской парторганизации“...

9 апреля „М“ вручает „рогожное знамя“ Каневскому району: „Позорное знамя вручается за саботаж темпов и качества сева, за неумение организовать соревнование передовых и заставить сеять отстающих“...

10 апреля „обращение“: „Северные районы! У вас пшеница, вы несете особую партийную и государственную ответственность за яровой сев!“

В тот же день особое постановление отмечает

„совершенно неудовлетворительную работу по развертыванию массового сева со стороны совхозов Системы Зернотреста“.

„Резко поднять производительность полевых работ“, „приказывает“ „М“ 11 апреля.

14 апреля: „Задачи ближайших дней — увеличить темпы сева, по крайней мере, вдвое... Ибо „на 10 апреля край засеял только 13 проц. плана“.

Вместо передовой объявляется постановление „О выработке норм и качестве сева“, начинающееся так: „Все районы края уже вступили в массовый сев; между тем в последний период посев в день составляет примерно один процент плана сева, что с очевидностью говорит об угрозе своевременного и полного выполнения плана сева...“

Основной причиной слабого хода сева Крайпосевком считает: невыполнение норм пахоты, бороньбы и сева как тракторами, так и при работе на живом тягле. Несмотря на ряд указаний Крайпосевкома, до сих пор совершенно неудовлетворительно поставлена борьба за дисциплину труда. Несвоевременное начало и окончание полевых работ, лодырничество и саботаж остаются во многих случаях безнаказанными“...

Там же: „Каневской, Кореновской, Тимошевский, Павловский, Георгиевский, Ставропольский и ряд других районов позорят весь край, сеют темпами ниже прошлогодних“...

15 апреля „М.“ приказывает: „Начинать полевые работы с рассветом!“

А по поводу положения дел в Ейском и Старо-Минском районах меланхолично спрашивает: „Если есть все для победы — почему нет победы?“

На нефтяном фронте.

Авария за аварией:

Тревожное положение на Майкопских скважинах Старых промыслов Грознефти с каждым днем возрастает. Бурение по району, решающее добычу нефти, из пятидневки в пятидневку снижается. Растет безответственность административно-технического руководства, соответственно растут аварии и простои.

Буровая 8-27 старого района, вступив в бурение в декабре прошлого года, уже потерпела, три аварии. После первой аварии администрация никаких для себя выводов не сделала.

Перед последней аварией скважины было подвезено долото Рида, но бригадир Чумаков, гнавшийся за цифрами проходки, а не за бурением, пользуясь бесконтрольностью со стороны техперсонала участка, не допустил использования долота, хотя в вахтовой книге и записал, что проверка с 350 до 410 метров велась именно этим долотом.

Мастер Афонин, явившись на буровую, мер никаких не принял. Афонин дал задний ход, тем самым отвернул метчик и 3 свечи, оставив их в скважине.

Партгруппа 1-го участка, ознакомившись с положением буровой 8-27, вынесла партгруппе Рееву выговор, отвергла виновность рабочей бригады. Однако, и партгруппа несколько не отклонилась от традиционного „принятия мер“ по авариям и. действительные виновники аварий партгруппой не выявлены, хотя рабочие

упорно настаивают на выявлении их и на организации над аварийщиками общественно-показательного суда.

История аварийности буровой 8-27 — типичная, свойственная многим буровым, история в районе Старых промыслов.

Как на местах, так и в отделе бурения района конкретные меры борьбы с недобором метража поделовому не поставлены. Каждый день сводки бурения отмечают тот или иной существенный недостаток в бурении. Вот на буровой 7—118 уже 3 месяца на одном месте — на 1345 метре — вращается долото, в ожидании прибытия баббита: без баббита бурить нельзя, чтобы не протереть колонну, скважину нужно бы остановить.

Скважина 3-98 уже подвергалась замораживанию насоса шланги и долгое время находилась в ожидании винтовых труб. Этой же скважине — для проходки крепких пород нужны фасонные долотья. Но наварка имеющихся долотьев настолько ухудшилась, что они ломаются от легкого удара молота.

И вот с этими пробелами, промахами в бурении никто не борется. И еще хуже то, что никто бороться не хочет. Царит неповоротливость, исключительная безответственность: для того, чтобы получить неотложное техническое распоряжение, затрачиваются часы, десятки часов, в это время — скважина стоит.

Упускание свечей, хищение электрических ламп, замораживание насосов и шланг — ежедневно десятки подобных фактов сигнализируют о непрерывном падении труддисциплины в бригадах Майкопских буровых. По спокойным подсчетам самого руководства, из-за падения трудовой дисциплины производительность труда в бригадах снизилась на 50 проц.⁴.

(„М.“ 4 апреля).

В Донбассе.

„Покончить с канцелярско-бюрократическим методом руководства шахтой“, предлагает „М.“ 11 апреля и печатает „постановление“ „о работе угольной промышленности Донбасса“, начинающееся так:

„Совнарком Союза и ЦК ВКП(б) устанавливают, что несмотря на непрерывный рост технической вооруженности Донбасса и улучшение рабочего снабжения, план добычи не только не выполняется и добыча угля не только не возросла, а наоборот, — упала за первый квартал 1933 года до 10.371 тонн против 10.912 тыс. тонн за первый квартал прошлого года.

СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) считают, что главной причиной этого позорного движения назад является все еще не изжитый окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства угольной промышленностью, начиная от шахты и кончая Главтопом Наркомтяжпрома“...

Приводим далее некоторые характерные отрывки из этого постановления.

„Наиболее ярким показателем безрукости, беспомощности и беспримерной отсталости хозяйственного и партийного руководства угольного Донбасса нужно считать царящую на шахтах так называемую текучесть рабочих и служащих. По данным учетных организаций за 1932 год ушло из шахт 423 тысячи рабочих и служащих и принято на работу за тот же период 408 тысяч рабочих и служащих, а за январь 1933 года ушло 32 тысячи и принято на работу 35 тысяч рабочих и служащих. Это значит, что значительная часть рабочих и служащих, если не большинство, не столько работает, сколько бродит „без устали“ от шахты к шахте, из шахты в деревню, из деревни в шахту“...

„Не менее ярким показателем безрукости и беспримерной отсталости хозяйственного и партруководства угольного Донбасса следует считать нынешнее организационное построение органов управления шахтой“.

„Не может быть сомнения, что указанные безобразия с „текучестью“ и организационной неразберихой в управлении шахтой не имели бы места, если бы руководители шахт, за немногими исключениями, являлись действительными руководителями, а не пустыми регистраторами происходящих на шахте событий, если бы управление шахтой было построено не по функци-

ональному, а по производственному принципу, с сосредоточением руководства в руках заведующего шахтой и заведующих участками, если бы аппарат управления шахтой работал с упором на оперативное руководство подземными работами, а не на канцелярскую волокиту, если бы руководители шахт и рудоуправлений проводили в жизнь закон против прогульщиков и летунов о лишении продовольственных карточек и права на жилплощадь прогульщиков летунов, рвачей и всякого рода „бродячих людей“, а не засоряли глаза никому ненужными речами и резолюциями“...

О Сулинском заводе.

12 апреля „М.“ печатает „постановление“ о положении на Сулинском заводе, начинающееся так:

„Работа Сулинского металлургического завода за 1-й квартал 1933 года явно неудовлетворительна. За январь и февраль месяцы программа выполнена по доменному цеху на 61 проц., по мартеновскому цеху на 64 проц.“...

Далее следуют „меры“...

„Эти дни в станице“.

Под таким заголовком некий тов. Коптев помещает в „М.“ от 28 марта рассказ-корреспонденцию из станицы Родниковской. Печатаем его ниже с некоторыми пропусками (излишних длиннот) для характеристики современного положения в казачьих станицах. Нужно только не забывать, что пишет чужой и коммунист, а потому пусть читатель внимательно читает не только строки, но и между строк.

Станица. Как всегда по утрам вместе с пением петухов начинают дымить своими низенькими, закоптелыми трубами хаты. Также заунывно ежевечерно гудит церковный колокол. Черная, липкая вековая грязь заполняет кривые станичные улицы. И как только ночь набросит свое черное покрывало, — станица, как всегда, погружается во мрак и совершенно замирает. Только изредка твякнет где то у околицы на случайного прохожего дворовый пес, да холодный, совсем не по весеннему, ветер, путаясь в безлистных густых ветвях акации, тонко свистнет, ударившись о камышевую крышу.

Но, как резко изменилась жизнь Кубанской станицы!

Вместе с петухами попрежнему встает станица. Но передовой станичник-колхозник встает с заботой уже не о единоличном своем хозяйстве, а спешит в колхозную бригаду. Ежевечерно гудит колокол. Но приглядитесь внимательно, и в сегодняшней Кубанской станице вы увидите только десяток-полтора старух — богомолок, пришедших на его зов. На заброшенном раньше пустыре, что лежит по пути в центр станицы, вы увидите теперь аккуратно составленные в ряд огромные локомотивы, вы заметите блеск огня и шум горна, в только что отстроенной мастерской МТС.

Днем и ночью часто безмолвье станицы будит ритмичный гул трактора. И теперь уже не бегут за ним станичные ребятишки, покрывая гимом восторга и удивления шум тракторного мотора. Трактор прочно вошел в быт новой советской станицы. На дверях больших каменных домов бывших кулаков, неуклюже росписанные яркими красками вывески: „Детские ясли“. „Семилетка“. „Правление колхоза“.

И совсем по городскому кричат с посережних досок, ветхих заборов, написанные аршинными белыми буквами, боевые лозунги новой советской станицы: „Полной засыпкой семян — добьем кулацкое охвостье!“ „По большевики проведем колхозный сев!“.

Станица живет новой жизнью. День за днем, шаг за шагом рушится старый станичный быт. Ломаются устоявшиеся отношения людей, крепнет сознательное отношение к трудностям, которые сегодня переживает станица. Эта ломка происходит в жестокой классовой борьбе. Пережитки старого цепко держат в своих лапах не одного станичника.

И хотя новая станица, руками преданного партии и советской власти актива, руками красных партизан и

комсомольской молодежи, ликвидировало кулачье, охвосте его расплодилось, заполнив все щели, которых в любой станице не мало. И с этих позиций классовый враг вредил как мог и чем мог.

И сейчас на многих сторонах станичной жизни лежит печать вредительства кулака и предательства части коммунистов. До сих пор не собрали семена, а сев уже начался. Плохо с тяглом. Станица, не знавшая худоконка, из 609 лошадей имеет 124 нетрудоспособных. Все лошади, кроме колхоза „Заря Счастья“, расположенного на хуторе у канавы в шести километрах, больные. Не хватает хлеба, и если бы не продовольственная помощь, оказанная партией и правительством, некоторым группам колхозников пришлось бы тужить.

Политический лозунг, сломить кулацкий саботаж особенно сейчас, весной, дошел до самых глубин сознания широких колхозных масс. И это случилось потому, что именно весной отдельным группам колхозников пришлось заглянуть в глаза нужде.

Нужда на Кубани! Где земля дает ступодовые урожаи, издавна слышней богатейшей житницей страны!

Как оценивают положение станицы сейчас сами колхозники, какими настроениями сейчас они охвачены? Многие лучшие кадры колхозного актива в первые месяцы борьбы за слом кулацкого саботажа не отдавали себе ясного отчета, полностью не уясняли себе политической обстановки. Это не мешало им, — стоя горой за советскую власть, за колхозы, — беззаветно и бесстрашно ломать саботаж, выбивать из последних позиций кулацкое охвостье.

Сейчас сознание масс передовых колхозников отточено как бритва. В чувствах нет смятения, как в первые дни борьбы за хлеб. Вся сила, вся воля направлены сейчас на борьбу с последышами старой станицы, на борьбу за исправление наделанных ошибок.

А ошибок было много. За них расплачивается сейчас колхозная станица и лучшие кадры колхозного актива. Женщины-колхозницы настроены особенно яростно.

— Мужики-то все лето не работали, — рассказывают они. Летом где-то за длинными рублями все ездили. Все делали сами бабы — и косили, и молотили. А теперь мужики-то кой какие сидят недоевши. Научились теперь как не работать! Рады бы локоток укусить, да не достанут...

Трудности, которые сейчас переживает кубанская станица, сплывают лучший, передовой колхозный актив. Эти трудности, поставившие многих колхозников лицом к лицу с нуждой, заставили их искать настоящих виновников их тяжелого положения. Кулак и белогвардеец, вор и вредитель, рвач и лодырь — вот кто скрывался, и еще скрывается кое-где, за трудностями, которые переживает сегодня колхоз. Против них подымается ярость масс передовых колхозников, вокруг отношения к ним разгорается в каждом конкретном случае классовая борьба в колхозе.

В оценке трудностей у каждого активиста есть те или иные оттенки.

В речах колхозников сейчас подчеркнута звучит досада на то, что в колхозном хозяйстве еще много прорех. Женщины-колхозницы и здесь особенно беспощадны в критике недостатков работы, в оценке того, что имеющиеся богатейшие возможности преступно не использованы.

О кубанской земле много говорено, много написано. Но вот что просто и ясно говорит о ней одна из колхозниц:

— Земля наша — черна как уголь. Чего на ней посеи, — все уродит!..

Колхозники передового в станице (да и в районе пожалуй) колхоза „Заря Счастья“ в 1931 году собрали: пшеницы озимой 12 центнеров, кукурузы 22 цент., ячменя — 9 цент., семечек — 18 цент., картофеля — 10 тонн с гектара!

А сейчас эти цифры вспоминают в станице с особенным жаром. Причиной этому трудности, переживаемые сегодня станицей и речь тов. Сталина на съезде колхозников-ударников, где он говорил, что надо сделать всех колхозников зажиточными.

У части колхозников и сейчас сильны еще сомнения в том, что декрет о хлебных поставках, имеющих силу налога, что лозунг тов. Сталина о превращении всех колхозников в зажиточных, будут осуществлены так, как об этом пишут газеты.

— Вот осень придет и опять у нас по встречному заберут все зерно, — заявляют одни колхозники передового колхоза „Заря Счастья“.

— Опять за родниковцев будем выполнять хлебозаготовку, вторят другие.

Решительные меры борьбы с саботажниками хлебозаготовок — врагами народа, вплоть до выселения из края отдельных станиц, имели огромное значение в деле разоблачения кулацкой агитации о том, что эти меры „одни страхи, а до дела дойдет — ничего не будет“...

Классовая борьба продолжается и не менее ожесточенно, чем это было в дни борьбы за хлеб. В новой обстановке классовый враг для успеха своей борьбы ищет новых путей. В этой борьбе классовый враг пытается влиять на отсталых, подорвать дисциплину, пускает в ход и провокацию, спекулируя на трудностях сегодняшней станицы.

Разгар полевых работ требует десятков и сотен активистов, которым можно было бы и доверить коня, и поручить перевести семзерно, и поставить у плуга и сеялки. А с активом дело все еще продолжает оставаться явно неблагополучно.

В эти дни Кубанская станица живет особенно бурной творческой жизнью. После разгрома врага в борьбе за хлеб, поднимаются массы колхозников сейчас на борьбу с врагом за укрепление колхозов, на борьбу за урожай, за претворение в жизнь логунга вождя партии — т. Сталина — сделать все колхозы большевицкими, всех колхозников зажиточными...

Вышла из печати книга:

ПЯТЬ ЛЕТ

„Вольного Казачества — Вильного Козацтва“

Сборник избранных передовых статей.

Цена книги: в ЧСР — 20 кч, в Югославию — 50 динар, в Болгарию — 100 лева, в Польшу 7 злотых, в Германию 3 марки, во Францию 20 фр. франков, в Америку — 1 доллар — с пересылкой.

Книгу „Пять лет „В. К.“ должен иметь каждый вольный казак.

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

**Открыта подписка на 1933 год
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
 „ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.**

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в С.С.Р. 1 корунговую значку, из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
 Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.